

113
9

802-17
1105

Вѣстникъ Русской Конницы

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ 8 РУБ.

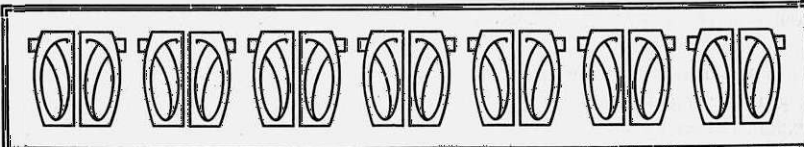
Иллюстрированный журналъ, издаваемый два раза
въ мѣсяцъ, съ разрѣшенія Военнаго Министра, при
Офицерской кавалерійской школѣ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ
— ИЗДАНІЯ. —

Рекомендованъ для войсковыхъ библиотекъ циркулярами Гл. Шт.: 1906 г. № 199
и 467, 1908 г. № 18, 1910 г. № 203, 1911 г. № 207 и Шт. всѣхъ Военныхъ Округовъ.

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., д. № 2 (по Шпалери.), отъ 12—5 час. ежедневно.

№№ 17—18. Воскресенье, 30-го Сентября. 1912 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА 1913 ГОДЪ

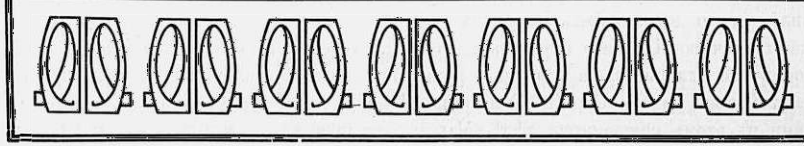
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ КОННИЦЫ“.

— ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. —

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ редакціи: на годъ—8 р., на полгода—4 р. 50 к.,
за границу—10 р.; черезъ конторы, магазины и комиссіонеровъ: на
годъ—8 р. 40 к., на полгода—4 р. 75 к., за границу—10 р. 50 к.

Подробности и программа—см. объявленія.

Онъ тебѣ, умирая, велѣлъ передать,
 Что ему нѣтъ награды иной,
 Какъ за славу побѣдныхъ знаменъ умирать
 Въ этомъ грозномъ сраженіи подъ древней Москвой.

Г. Усачевъ.

Лошади и спортъ въ русской Средней Азии.

I.

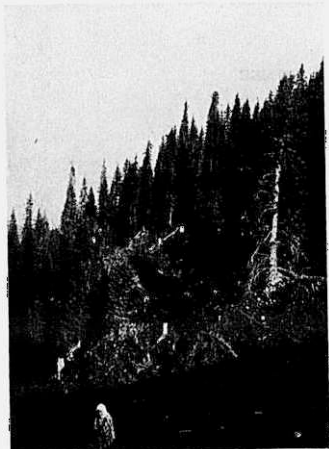
Туркмены и киргизы.

Страна, гдѣ всѣ и вся верхомъ. Если не на лошади, то на быкѣ, на коровѣ, на ослѣ, на верблюдѣ. Пѣшаго туземца встрѣтишь рѣдко, развѣ въ городѣ торговца съ коремисломъ, къ которому привѣшены двѣ большія круглыя корзины со сладями или фруктами. Въ дорогѣ пѣший только русский, только поселенецъ, солдатъ, рабочій. Отъ этого масса лошадей, отъ этого нѣсколько конскихъ породъ, столкнувшихся на небольшомъ пространствѣ, отъ этого конный спортъ, конный способъ веденія войны, отсюда лучшая конница міра, лучшіе рубаки—туркмены.

Эта страна—средняя Азия, для Россіи—это Туркестанъ и Семирѣчье. Туркестанъ типичнымъ представителемъ своихъ коней имѣетъ туркмена, Семирѣчье—киргиза. Двѣ совершенно различныя породы конскія, два различныя воспитанія лошади, два сѣдла, два способа ѣзды—и все это почти рядомъ, раздѣленное лишь хребтами снѣговыхъ горъ. Двѣ культуры подлѣ, а потому и двѣ лошади.

Если пронестись по всему Туркестану на поѣздѣ или въ почтовомъ тарантасѣ, то первое впечатлѣніе: гдѣ же жить и кормиться лошади?

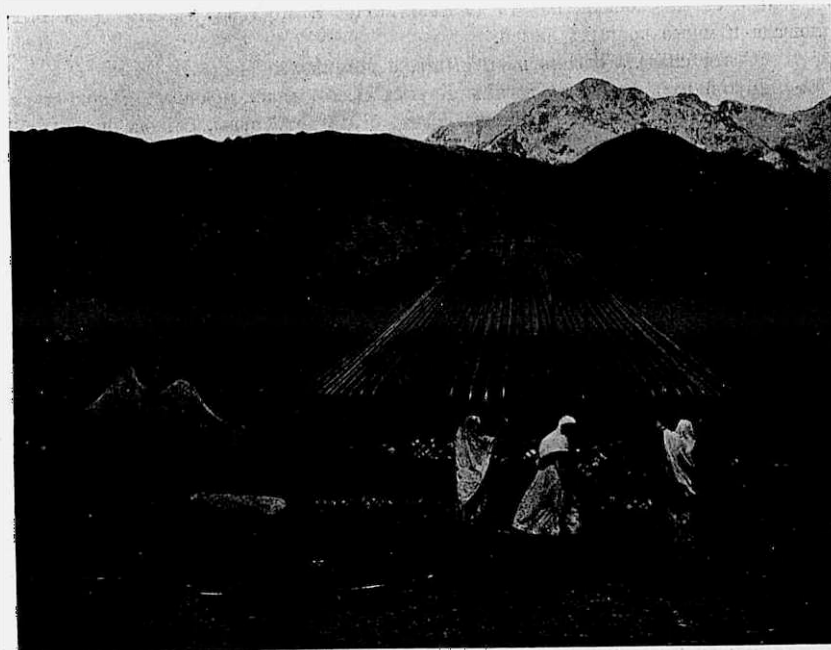
Пустыня. Песокъ, темные, обожженные пылающимъ солнцемъ, камни и лишь кое-гдѣ возлѣ поселковъ зеленѣютъ поля, тихо колышется колосъ золотистой джугары, растутъ кукуруза, хлопокъ, тамъ къ солнцу повернули свои громадные диски подсолнухи, тамъ пестрымъ ковромъ раскинулся макъ. И снова пустыня. Прожурчалъ по каменистому руслу, поросшему громадными репейниками, сухощавыми и другими сорными травами, головной арыкъ, а за нимъ песокъ, камни, между которыми тамъ и сямъ торчатъ пучки несѣдобной травы чія.

Характеръ горныхъ лѣсовъ Азиатскихъ и Тяньшанскихъ горъ—исключительно ель.

Но, вотъ, вы поднялись выше, вотъ, подошли къ глубокому руслу той самой рѣчки, которая даьше по пустынѣ уже разобрана по арыкамъ. Между каменистыхъ осипей раскинулась широкая долина. Зеленый коверъ травъ ее покрываетъ. Совсѣмъ невидные издали, громадные карагачи даютъ тѣнь табунамъ и стадамъ. Вдоль рѣчки выюта протоптанныя стадами тропинки. Уже нѣтъ безмолвія пустыни, но непрерывнымъ коннертномъ, цѣлой гаммой, сложенной изъ мычанія и белянія стадъ, изъ звонкихъ криковъ киргизскихъ женщинъ и рева верблюдовъ, наполняетъ воздухъ. Ставить кибитку. Уже деревянная основа протянута, ее обвиваютъ войлокомъ. Кочевье спустилось съ горъ.

А тамъ, въ горахъ? Тамъ теперь уже снѣгъ, тамъ холодъ и вьюга; но нѣсколько дней тому назадъ ихъ обширныя плоскогорья были сплошь покрыты мелкими иголками травы, и драгоценный типецъ замѣнялъ лошади и сѣно, и овесъ. Его, какъ будто, никогда не убавлялось, потому что все то, что лошади объѣдали за ночь сверху, днемъ выталкивалось изъ земли снизу. Знойнымъ лѣтомъ пасли лошадей подъ самымъ небомъ, у сверкающихъ ледниковъ, къ осени спустились внизъ, въ пустыню, наступаетъ тяжелое время для лошадей—«тебеневка», когда отъ голода гибнутъ иногда цѣлыя табуны, когда всѣ долгія думы киргиза направлены къ одному: какъ бы дотянуть до весны, до новыхъ травъ. А тогда опять въ горы, опять къ ледникамъ. Кто верхомъ на лошади, кто на быкѣ или коровѣ

Киргизскія женщины ставятъ основу кибитки на мѣстѣ лѣтней стоянки (лѣтовки) у подножья снѣговыхъ горъ.

потянется киргизское кочевье и потащутъ сзади верблюдовъ съ основой и крышей кибитокъ, и говоромъ стадъ оживятся и наполнятся, всю зиму хранившіе тяжелое, вѣковѣчное молчаніе, суровые ледники. Начнутъ отъѣдаться по зеленымъ плоскогоріямъ, по обширнымъ «сыртамъ» киргизскіе кони, и пойдутъ скачки-байги, пойдетъ веселая игра въ «дѣвку-волека», жестокая байга-уликъ, байга съ козлодраніемъ, начнется продажа и мѣна лошадей, весело тогда во всей Киргизіи, шумны и многолюдны обычно пустынные горы.

«На небѣ звѣздъ много, а на землѣ—киргизовъ, сочти сначала песокъ въ степи, а потомъ уже пастъ»,—говорятъ кочевники. По ихъ понятіямъ, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, животныя, птицы и рыбы—все движется, неподвижна только земля да мертвые, и потому вся жизнь киргиза—это кочевка съ горныхъ высокихъ плато, съ лѣтнихъ на низкія зимовки, гдѣ у многихъ загода припасены гниобитныя стѣнки, навалена солома, а иногда сдѣланы запасы зерна и муки для лепешекъ.

Странное впечатлѣніе производятъ пустыня. Кажется, что на много верстъ кругомъ нѣтъ ни одного живого существа и вдругъ гдѣ либо группа киргизовъ, триста, пятьсотъ челоуѣкъ, стоятъ на коняхъ кругомъ (такъ въ старину, вѣроятно, въ кругъ строились и казаки), шумятъ, гадаютъ, спорятъ. Въ чемъ дѣло? Выборы старшины, дѣлежка полей, объявленіе чего-либо черезъ глашатая... Поговорили и поѣхали въ разные стороны сначала группами, потомъ эти группы стали дѣлаться все меньше и меньше, разбѣлись на одиночныхъ людей, и снова пустыня, пустыня и только свѣжіи конскіи пометы да вытоптанные мѣста говорятъ, что здѣсь были лошади и много конныхъ людей.

«Сочти сначала песокъ въ пустынѣ, а потомъ уже пастъ»...

Другой разъ ѣдешь въ горахъ. Крутыя скалы, дикія, мрачныя, стѣною стоятъ подлѣ. Внизъ ниспадаетъ стремнина. Тамъ, бѣлый отъ пѣны, безконечнымъ водопадомъ несетъ потокъ. Надъ головою бездонное, темное, синее небо. Кажется, здѣсь ноги человѣческой не бывало. Кажется, здѣсь только я да Богъ надо мной въ премудрыхъ дѣяніяхъ своихъ. И вдругъ звонъ колокольца, изъ-за скалы просторной, свободной ходю выходятъ разукрашенная краснымъ шерстянымъ кружевомъ лошадь, на лошади сидитъ киргизка въ бѣломъ платкѣ, темная, съ черными, точно наклеенными, бровями, съ большими, тупо смотрящими, глазами, за ней старуха, тамъ дѣти, старикъ, всѣ верхомъ, всѣ свободной ходой спускаются внизъ. И опять пустыня, дикія скалы, говоръ дикаго, бѣлопѣннаго, бѣшено ревущаго ручья...

Откуда они? А вонъ на самой кручѣ, на недоступныхъ тропинкахъ, подлѣ бѣлой полосы снѣговъ видѣются черныя точки. Это ихъ юрты, ихъ лѣтнее кочевье.

При такой жизни верблюды, быкъ, баранъ, лошадь—это все. Это средство жить, это сытный столъ, это комфортъ и красота внутренняго убранства юрты, это одежда отъ холода—все въ стадахъ и табунахъ и ничего кромѣ нихъ.

Лошадь—средство передвиженія, и очень быстрого, лошадь—пища, наконецъ, лошадь—предметъ гордости, восхищенія—въ лошади киргиза единственная поэзія его жизни.

Тамъ, за горами, въ самомъ Туркестанѣ народа больше. Онъ видѣе, замѣтнѣе. Часты глиняные киплаки, «калы», кругомъ поля, хлопокъ, кукуруза, джугара, виноградъ, фрукты. Скрипя и шмя, непрерывной чередою тянутся тя-

желая, скрипучія арбы, попадаются и вѣше люди, работаютъ въ поляхъ, часты большіе города. Здѣсь всадники богаче, ихъ лошади легче, наряднѣе, лучше разукрашены цвѣтными сѣтками, золотомъ и серебромъ, видно, что и отношеніе къ лошади здѣсь иное и сама лошадь иначе цѣнится, иначе воспитывается. Это—настоящій Туркестанъ, здѣсь и въ Закаспіи лошадь туркменской породы, про рѣзвость и выносливость которой рассказываютъ чудеса.

Туркмень во всѣ времена гнался за качествомъ лошади, киргизъ—за количествомъ. Для туркмена еще недавнихъ временъ лошадь была все: его слава, его гордость, причина его побѣдъ, источникъ его богатства, приобретенаго въ лихихъ набѣгахъ, аламаныхъ.

Туркмень любитъ и гордится оружіемъ, туркмень кривою саблею своею безъ осычки на полномъ скаку начисто перерубаетъ сплѣтый арбузъ или безъ промаха рубить, подвѣшеннаго на глаголь, длинношерстнаго козла. По отношенію къ лошади туркмень это тотъ же арабъ. Лошадь для него членъ семьи, онъ ее такъ воспитываетъ, такъ бережетъ и продаетъ ее неохотно...

Отсюда, помимо происхожденія, помимо степеней кровности, въ судьбахъ туркмена и киргиза не малую роль сыграло еще и воспитаніе, и обращеніе съ лошадью туркменомъ и киргизомъ.

Жизнь туркмена еще недавнихъ временъ—это война и лихіе набѣги. Для того, чтобы драться въ пустынѣ, чтобы побѣждать тамъ, гдѣ нельзя ожидать никакой поддержки, туркмену нужна была лошадь рѣзвая, сильная, умная, привязанная только къ хозяину и особенно послушная.

Туркмены—народъ рыцарь. Они знаютъ свою родословную, они выводятъ себя отъ знаменитаго персидскаго богатыря Рустема, а также отъ прямого его потомка, свободнаго главара лихой шайки Турхмана, имѣвшаго двухъ сыновей Юмуда и Гоклана отъ законной жены и третьяго Текке, рожденнаго отъ рабыни. И лошадь туркменская имѣетъ несомнѣнное происхожденіе отъ арабской и персидской лошадей, но жизнь въ пескахъ, своеобразный грунтъ и климатъ повліяли не только на ея характеръ, но даже и на самый ея костякъ.

Потомки знаменитыхъ персидскихъ богатырей, туркмены и сами остались богатырями, вся жизнь, вся слава которыхъ были лихіе аламаны. Пробѣги галопомъ на сотни верстъ по песчаной пустынѣ, отъ воды до воды, скачки за врагомъ пла отъ врага—все это выработало въ туркменѣ отличное умѣнье ѣздить, крѣпкую посадку, правильное сѣдло и прекрасное управленіе лошадью.

Лошадь, по понятію туркмена, должна быть пылка, горяча, порывиста, сама охотно нестись въ бой, зла и неприступна для постороннихъ, кротка и довѣрлива къ хозяину.

— Эта лошадь сдѣлаетъ тебя храбрымъ,—говоритъ туркмень про хорошую лошадь.

Въ Туркестанѣ часто можно слышать такое выраженіе: «кто не видѣлъ туркменскаго дивизиона, тотъ не видѣлъ настоящей конницы». Вотъ гдѣ рубка доведена до необычайнаго, недостижимаго ни казаками, ни драгунами совершенства. Легкость и быстрота, увертливость и послушность ихъ сухихъ, нарядныхъ коней поразительны. Конечно, это не та драгунскаго типа конница, которая потребна для современной европейской войны; въ нихъ много своеобразнаго, много непримѣнимаго и ненужнаго на войнѣ, но въ нихъ столько пыла, благородной отваги

рыцарской красоты, что грѣшно ихъ передѣлывать на новый ладъ, грѣшно учить ихъ по уставу. Можетъ быть, имъ нельзя поручить педантичной работы передовой конницы, они не сумѣютъ уклониться отъ боя, когда нужно, не смогутъ маневрировать или вынести огонь невидимыхъ стрѣлковъ, но, пущенные въ атаку, они, какъ никто, выиграютъ флангъ, и отъ ихъ кривыхъ сабель, отъ ихъ рѣзвыхъ коней не уйдетъ никто. И теперь ихъ обычный вопросъ: «а когда война?». По духу, по вѣншей красотѣ, по пылкости своей и своихъ коней это, пожалуй, единственная въ мѣрѣ конница.

Но... аламаны строго преслѣдуются закономъ. Войны и экспедиціи, которыя теперь еще бывають, ложатся всею тяжестью на казаковъ, вонистенный пылъ и наѣздничанье приходится утишать и срывать на рубкѣ козловъ съ шерстью, арбузовъ и... лозы. Туркменъ или уходитъ въ Афганистанъ, или осѣдаетъ на землю. Тщательное, дорого стоящее воспитаніе лошади для аламановъ отходить въ область преданій. Лошадь еще поддерживается по традиціи, ее еще любятъ, но она становится болѣе рѣдкой, вытѣсняется овцою, коровою, верблюдами, хлопкомъ. Явленіе, увя, обычное по всей Россіи, по всему міру.

Наступаетъ время, когда правительству, частнымъ лицамъ, любителямъ лошади приходится идти на помощь къ когда-то свободно развивающемуся коневодству, а вмѣсто аламановъ съ цѣнною добычей устраивать скачки съ болѣе или менѣе цѣнными призами.

Такимъ образомъ для киргизской лошади наступаетъ время, когда, удовлетворяясь ея количествомъ, необходимо улучшить ея качество, для туркменской лошади уже настало время, когда необходимо поддержать ее отъ вымирания, начать ея искусственное разведение.

II.

Туркменская лошадь.

Итакъ, главными лошадьми Средней и Центральной Азии являются двѣ основныя породы: туркменская, ведущая начало отъ арабской, лошадь Закаспійской области и Западнаго Туркестана, и киргизская, ведущая начало отъ дикой горной лошади и тоже отъ арабской, населяющая предгорья Тянь-Шаня, Алатаускіе хребты, долины и пустыни Семирѣчья и далѣе идущая до самой Сибири. Между туркменскими и киргизскими лошадьми существуетъ множество промежуточныхъ породъ, несомнѣнно, происшедшихъ отъ скрещиванія, таковы: кара-баиры (кара—черный, чистый и байргы—доморощенный), то есть лошади, происшедшія отъ смѣшенія чистыхъ туркменъ съ домашними рабочими лошадьми киргизской породы; ура-тюбинцы, маленькія горныя лошади Кайгара, очень похожія на пони; горныя *чолманскія* лошади Илійскаго края; лошади китайскаго Туркестана *торауты*—все это переходы туркменской лошади къ киргизской, вызванные искусственнымъ смѣшеніемъ; карабаиры и ура-тюбинцы—вліяніемъ климата, природы—горы или степи, или пустыни и воспитанія.

Интересующихся исторіей образованія всѣхъ этихъ конскихъ породъ, отсылаемъ къ прекрасному труду В. П. Колосовскаго «Лошади Туркестана», изданному въ Ташкентѣ въ 1910 году Туркестанскимъ обществомъ поощренія конноводства;

Алатаускія горы. Тышканское ущелье и р. Тышканка.

въ настоящей же замѣткѣ остановимся лишь на характеристикѣ коннаго дѣла въ этомъ лошадиномъ краѣ настолько, насколько это можетъ быть интересно для нашей конницы и казачества.

Туркмены и сарты ѣздятъ на низкихъ, съ полукруглымъ сидѣньемъ и высокой передней лукою, имѣющей круглую форму, сѣдлахъ. Ихъ сѣдла по типу подходятъ къ англійскимъ, ихъ посадка глубока и свободна, уноръ на стремя легкой, посылъ лошади и управленіе шенкалями и строгой уздой и иногда мундштукомъ, употребляется и мартингалъ. Уздечки, сѣдла, пахвы и нагрудникъ богато украшены золотомъ, серебромъ, шелковыми шнурами и кистями. У туркменъ отношеніе къ лошади бережливое.

У туркменъ ни въ Закаспійской области, ни въ Западномъ Туркестанѣ нѣтъ ни табуновъ, ни косяковъ, ни конскихъ заводовъ, но каждый, уважающій себя, богатый и знатный, благородный туркменъ имѣетъ одну, двѣ кобылы, отъ которыхъ и отъ жеребца, которымъ одолаются у соеда, и ведется порода. Вслѣдствіе отсутствія освѣженія туркменской крови, туркменская лошадь переродилась между собою и начинаетъ вырождаться.

Арабская лошадь, вывезенная въ Англію, благодаря скачкамъ и тренировкѣ, особому питанію, развила въ себѣ могучее сердце, стала чистокровною англійской. То же произошло и съ арабской, или персидской, лошадью, попавшей въ пески Туркестана. Неутомимые и быстрые вавъги, прохожденіе галопомъ по 100 и болѣе верстъ развили могучее сердце, хороший кормъ и уходъ дали ростъ, и на первый, бѣглый взглядъ туркменская лошадь очень походитъ на англійскую. Высокій ростъ—2 аршина 3—4 вершка, иногда до 2 аршинъ 7 вершковъ, сухая голова, чуть выпуклый лобъ, притомъ не широкій, большой глазъ на выкатѣ—все дѣлаетъ ее схожей со своей западной родственницей. Но ростъ не соответствуетъ подпругѣ. Вышина есть—нѣтъ ширины, грудь не широкая, задъ не сильный, длинныя ноги

даютъ впечатлѣніе дыбатости. Часто попадаютъ лошади со слабыми ушами, вислоухія—это все результатъ начинающагося вырожденія. Конечности сухія, но кости мало, много безколѣнныхъ лошадей, бабка длинна. Крупъ короткій, часто съ отвислымъ задомъ. Попадаетъ коровой поставъ заднихъ ногъ. Всѣ эти недостатки—результатъ неправильнаго, скуднаго питанія жеребенка, его ранней работы подъ большимъ вѣсомъ. Мастей эти лошади бываютъ всякихъ. Эти лошади незамѣнимы въ пустынь. Бывали случаи, что туркменская лошадь непрерывно двигалась 11 сутокъ, дѣлая по 120 верстъ ежедневно, проходя за это время 1.320 верстъ. Аллюры при этомъ—шагъ и галопъ (полевой 18—20 верстъ въ часъ). Рѣзвость на скачкахъ за послѣднее время установлена 1 верста—1 мин. 15 сек., 2 версты—2 мин. 35 сек., 3 версты—4 мин. 3 сек. Рысью туркменскія лошади вообще не ходятъ, этотъ аллюръ надо специально выработать. У хорошаго туркмена лошадь другъ дома и участникъ всѣхъ его праздниковъ. Туркмень воспитываетъ жеребенка вмѣстѣ съ дѣтьми, и потому лошадь очень привязывается къ своему хозяину и смонится поразительно умна и смыслена.

Но, повторяемъ, это все болѣе и болѣе начинаетъ относиться къ прошлому. Туркмень рыцарь, туркмень герой амамановъ вымираетъ и вымираетъ вмѣстѣ съ нимъ и его богатырская лошадь. Въ ней нѣтъ больше нужды. Такую «настоящую» туркменскую лошадь ужъ имѣютъ только богатые люди для скачекъ, какъ прихоть, какъ предметъ роскоши. Туркмень разбойникъ сталъ мирнымъ земледѣльцемъ и ему понадобилась лошадь работница. Лучшіе представители благородной туркменской лошади годъ за годомъ уходятъ въ Хиву, Бухару, Афганистанъ и Персію, гдѣ еще можно кое-что заработать въ бою съ шанкой въ рукахъ, гдѣ добрый конь нужнее плуга и молотилки.

Желаніе поддержать туркменскую лошадь вызвало цѣлый рядъ попытокъ разводить ее заводскимъ путемъ вмѣсто подворнаго, имѣвшаго мѣсто у туркменъ. Уже въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія первый устроитель Туркестанскаго края, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, устроилъ «Константиновскій» конскій заводъ на урочищѣ Капланбекъ близъ Ташкента. Заводъ стоилъ большихъ денегъ, но не далъ ничего, такъ какъ матками были выбраны карабаирскія лошади, лошади неустановившіяся, мелкія, не давшія ничего путнаго отъ туркменскихъ жеребцовъ. Заводъ вскорѣ пошелъ съ молотка, и цѣнные туркменскіе производители были проданы за безцѣнокъ въ частныя руки.

Затѣмъ долгое время на весь Туркестанъ имѣлся одинъ конскій заводъ коммерціи совѣтника Иванова въ Аулія-Ата. Заводъ этотъ основанъ въ 1878 году, когда Ивановъ, большой коммерсантъ и весьма предприимчивый русскій челоѣкъ, скупили остатки Константиновскаго завода, накупили какихъ попало жеребцовъ—башкирскихъ, русскихъ рысистыхъ, туркменскихъ, словомъ, жеребцовъ чисто случайныхъ, перемѣшалъ это все въ одинъ общій табунъ, какъ то дѣлаютъ киргизы, въ этомъ и состоялъ его «заводъ». Конечно, ничего не получилось. Тѣмъ не менѣе, заводъ продолжаетъ дѣйствовать, въ 1880 году получилъ на льготныхъ условіяхъ 326 десятинъ луговой земли и 11 полукровныхъ жеребцовъ отъ государственнаго коннозаводства. Ивановъ пытался устроить въ разныхъ мѣстахъ Туркестана случные пункты; кромѣ того, широко пользуясь покровительствомъ государственнаго коннозаводства, Ивановъ постоянно получалъ отъ гр. Н. И. Воронцова-Дашкова жеребцовъ и денежныя субсидіи. Но дѣло велось чисто по любительски. Не было

ни знаній, ни вѣры въ какую либо кровь, ни терпѣнія. Рысаковъ смѣняли англо-арабы, англо-арабовъ—текинцы, потомъ арабы—лошадь не только не улучшалась, но вырождалась. Со смертью Иванова его наслѣдники вскорѣ ликвидировали все это дѣло, и въ 1907 году заводъ, насчитывавшій одно время 2.000 лошадей, пропалъ, не оставивши какого либо рѣзкаго слѣда своего существованія.

Тридцать лѣтъ—это почти то время, которое нужно для созданія лошади, для установленія опредѣленной породы. Въ сорокъ лѣтъ графъ Лендорфъ надѣлялъ всю Пруссію одиотипными, прекрасными лошадьми, годными и въ строй, и въ плугъ, и въ карету. Въ Туркестанѣ за 30 лѣтъ не было сдѣлано ничего. Все потому, что стремились сдѣлать «что-нибудь», работали безъ опредѣленнаго плана, слушали совѣтовъ простыхъ нарядниковъ, случайныхъ гостей, проѣзжихъ генераловъ. Кидались отъ рысистыя крови къ арабской и отъ арабской едва не къ киргизской. Не исторія ли это прежнихъ лѣтъ Провальскаго войска Донскаго конскаго завода, когда хорошая верховая лошадь, прослужившая кампанію подъ какимъ либо генераломъ и отличавшаяся лишь добронравіемъ, становилась производителемъ; когда подарки азиатскихъ владыкъ, бухарцы и хивинцы, попадали въ заводъ и получали косяки.

Исторія коневодства Иванова въ Туркестанѣ это весьма поучительный урокъ всѣмъ, кто не признаетъ и не вѣритъ въ значеніе чистой (англійской) крови, не вѣритъ въ необходимость скаковыхъ испытаній для будущихъ отцовъ и матерей новаго лошаднаго поколѣнія.

Облюбованное Ивановымъ для конеразведенія Аулія-Ата (около 300 верстъ къ сѣверо-востоку отъ Ташкента) на дорогѣ отъ Кабуль-Сая (станція Ташкентской желѣзной дороги, въ 4-хъ часахъ ѣзды на западъ отъ Ташкента) на Вѣрный, въ 250 верстахъ отъ желѣзнаго пути, осталось и по настоящее время мѣстомъ разведенія улучшенныхъ лошадей.

Съ 1889 года тамъ существуетъ при ремонтномъ артиллерійскомъ депо маленкій заводъ полковника В. Д. Маслова. Стремленіе завода дать, главнымъ образомъ, густую артиллерійскую лошадь сдѣлало заводъ преимущественно рысистымъ. Отсутствіе опредѣннаго идеала, чисто случайный подборъ производителей и матокъ сдѣлало то, что и за 20 лѣтъ своего существованія Масловскія лошади не имѣютъ опредѣленнаго тина. Это «лошади», часто очень хорошія, но и только.

Съ нынѣшняго 1912 года государственнымъ коннозаводствомъ въ Аулія-Ата открывается случная конюшня. Во главѣ ея уже поставленъ ротмистръ В. А. Пяновскій, личностъ въ исторіи улучшенія лошади Туркестана замѣчательная. Если государственное коннозаводство сдѣлаетъ соответствующій подборъ жеребцовъ, преимущественно чистокровныхъ, если средства позволятъ обратитъ конюшню въ степной конскій заводъ по образцу бывшаго при государственномъ Держукскомъ заводѣ въ девятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія англо-калмыцкаго табуннаго коневодства, можно надѣяться, что дѣятельность этого новаго насажденія будетъ полезной и для русской конницы, хотя самое мѣсто для конюшни Аулія-Ата выбрано не совсѣмъ удачно.

Послѣ того, какъ Ташкентъ былъ прочно занятъ русскими, явился спросъ на лошадей для офицеровъ подъ верхъ, въ упряжь, на скачки, и въ Ташкентѣ появились лошадиные барышники. Скупая по окрестнымъ кышлакамъ у туркменъ раз-

личный хламъ, они пытались улучшить его случайными производителями, и такъ какъ русскій покупатель требовалъ густоты лошади широкой кости, чего не было въ туркменѣ, то «улучшали» туркмена рысистыми и просто рабочими «рускими» жеребцами. Такъ одно время, съ 1880 по 1899 годъ, поступалъ ташкентскій промышленникъ Саидъ-Гани-Саидъ-Азимбаевъ. Благодаря тому, что владѣлецъ этого завода занимался аферами и бросался изъ одного предприятия въ другое, заводъ его не далъ никакихъ замѣтныхъ результатовъ.

Параллельно съ этою коммерческою дѣятельностью крупнаго конеразведенія коммерціи совѣтника Иванова, полковника Маслова, ташкентскаго купца Азимбаева въ Туркестанѣ нарождалось чисто культурное конеразведеніе любителями верховой лошади. Это конеразведеніе, правда, не дало никакихъ практическихъ результатовъ въ смыслѣ массоваго улучшения конской породы, но оно имѣетъ громадное значеніе, какъ опытъ улучшения прекрасной, но уже вырождающейся, таинской лошади чистокровными англійскими жеребцами.

Генералъ-лейтенантъ Анненковъ, по роду службы бывшій казачеристъ, строитель Закаспійской желѣзной дороги, въ 1886 году привезъ изъ Парижа купленнаго имъ за 20.000 франковъ на Лондонскихъ скачкахъ чистокровнаго англійскаго жеребца. Для этого жеребца было куплено у туркменъ нѣсколько прекрасныхъ туркменскихъ матокъ, и въ Чарджуй былъ устроенъ маленький, но вполне культурно поставленный заводъ. Заводъ существовалъ недолго. Ему, что называется, не везло. Анненковъ ушелъ, заводъ перешелъ въ руки инженера Хорвата, но, съ назначеніемъ его въ концѣ девятисотыхъ годовъ въ Харбинъ на службу на Китайскую-Восточную дорогу, заводъ былъ распроданъ.

Однако, лошади этого завода на Ташкентскомъ ипподромѣ всегда имѣли первое мѣсто, обращая на себя вниманіе, кромѣ того, и красотой, и правильностью формъ, и, можно сказать, этотъ первый опытъ генерала Анненкова наглядно показалъ тотъ путь, по которому должно идти исправленіе и улучшеніе таинской лошади—путь черезъ чистую кровь. Но признали это, однако, далеко не всѣ. Совершенно непонятная ненависть и презрѣніе къ чистокровной лошади царятъ и до настоящаго времени въ Туркестанскомъ кавалерійскомъ мѣрѣ (казачьемъ) и даже иногда проскальзываютъ въ самыхъ приказахъ высшихъ кавалерійскихъ начальниковъ.

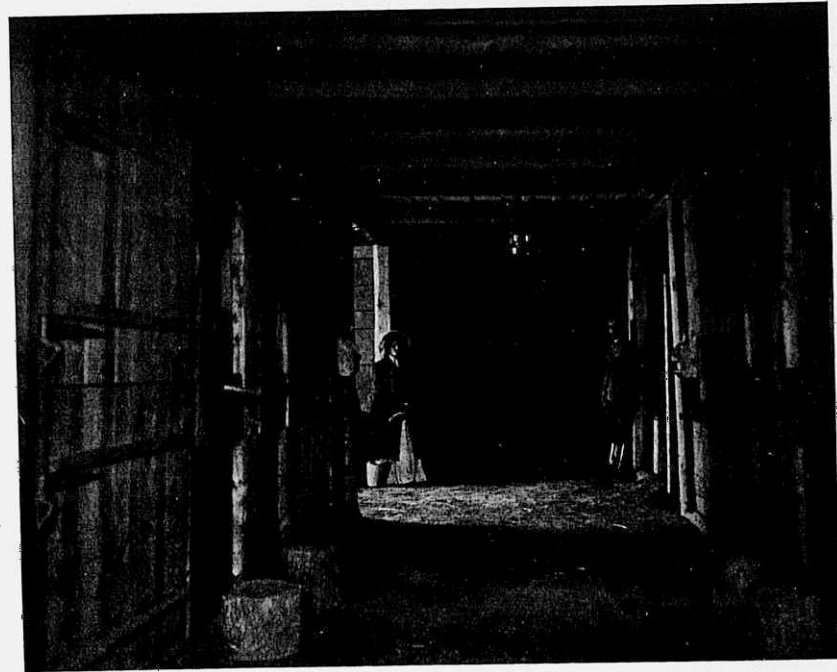
Къ числу такихъ же любительскихъ начинаній слѣдуетъ отнести существовавшій съ 1892 по 1905 годъ заводъ К. Н. Кузнецникова въ г. Новомъ-Маргеланѣ и маленький заводъ К. О. Магазинга въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Самарканды и небольшой разсадникъ англо-туркменской лошади В. А. Пяновскаго въ Пржевальскѣ, переѣзжающій теперь въ Аулие-Ата.

О начинаніяхъ генераловъ Колпаковского, Юнова и о трудахъ въ этомъ направлении теперешняго командующаго войсками Семирѣченской области генерала Фольбаума скажемъ нѣсколько ниже, когда будемъ говорить объ улучшеніи киргизской лошади.

Въ 1898 году, по настоянію тогдашняго начальника Закаспійской области генералъ-лейтенанта Куропаткина, въ с. Кеши, близъ Асхабада, была открыта земская случная конюшня. Пункты этой конюшни помѣщаются въ Кеши, Мервѣ и Петро-Александровскѣ. Составъ жеребцовъ весьма пестрый: англійскихъ 7, ахалъ-текинскихъ—6, рысистыхъ—4 и арабскихъ—1.

Лучшіе потомки этихъ жеребцовъ идутъ въ Персію и Афганистанъ, гдѣ потребно въ хорошихъ лошадяхъ больше, нежели въ нашихъ казачьихъ частяхъ, занимающихъ линію отъ Асхабада до Андижана.

Въ 1905 году, благодаря успіямъ и хлопотамъ рѣдкаго любителя лошади А. А. Чебышева, открылась случная конюшня въ г. Ташкентѣ. Въ этой конюшнѣ имѣется всего 5 производителей, въ томъ числѣ два недурныхъ чистокровныхъ,

Внутренній видъ Пржевальскаго пункта государственнаго коннозаводства.
Справа и слѣва глухіе денники жеребцовъ-производителей.

однихъ крови «Монтанвера» отъ «Козырной двойки» и другой завода А. Е. Платонова отъ «Гагатека» и «Пери».

Изъ этого краткаго перечня работъ по улучшенію мѣстной туркменской лошади, сдѣланныхъ почти за 40 лѣтъ владычества русскихъ въ Средней Азій, видно, что сдѣлано очень мало. Можно сказать ничего. Маленькія попытки частныхъ лицъ, прерывчатая, съ перемѣнными управляющими, взглядами и настроеніями. Никакой системы, никакого плана, никакой послѣдовательности. А, между тѣмъ, и труда было потрачено не мало, и средствъ израсходовано много—въ результатъ только опыты.

Но что странно—опыты уже дали результаты, а новыя начинанія ведутся все также на почвѣ опытовъ, то, что частными лицами, казенными учреждениями ведется въ краѣ, все идетъ по той же проторенной дорожкѣ пестренскихъ случай-

Производитель завода В. А. Пяновского въ Пржевальскѣ „Альбертонъ“, $\frac{7}{8}$ крови, 13 лѣтъ.

ныхъ производителей, конюшенъ, гдѣ можно встрѣтить и рысака, и тяжеловоза, и араба, и плохонькаго туркмена, и чистокровнаго жеребца, что до того, что почти 40 лѣтъ шли по этой дорожкѣ и нигде не пришли—идемъ и опять по ней.

Правительство ограничивается раздачей жеребцовъ населенію и лишь послѣднее время стало устранять конюшни и пункты, частныя лица начали и бросать, а, между тѣмъ, здѣсь еще можно создать нѣчто крупное, великое, могущее сослужить отличную службу въ дѣлѣ ремонтнаго арміи.

Опыты дали англо-туркмена. Великолѣнная лошадь. Ростъ отъ 2-хъ аршинъ 3-хъ вершковъ до 2-хъ аршинъ 7-ми вершковъ, прекрасныя, благородныя формы, сила, рѣзвость, дивная снѣга, хорошая почка, хорошая подпруга, отличныя заднія конечности, дивное, стальное конито. Но... безколѣсныя, явѣт жидка, подъ колѣномъ едва 18 сантиметровъ, конечности мало отвѣчаютъ корпусу. Сама природа подсказываетъ, что текинская матка не вполне подготовлена подъ чистокровнаго жеребца, ее нужно провести черезъ араба. Сочетаніе менѣе рѣзвое, менѣе рослое, но нарядное и очень солидное ногами. Отвѣтъ ясенъ—пункты, конюшни, заводы должны быть двухъ типовъ—арабскіе при случкѣ, если возможно, косячной для массовой выработки въ населеніи матери будущей ремонтной лошади и чистокровные для покрытія арабо-туркменовъ и дальнѣйшаго развитія уже исключительно чистокровной лошади. Должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы ни одна улучшенная лошадь не перешла границу Персіи и Афганистана, до конфискаціи таковыхъ лошадей на границѣ; если ремонтныя комиссіи не начнутъ выбирать пародившихся лошадей, слѣдуетъ устроить льготную продажу казакамъ Оренбургскимъ, Семіурчѣнскимъ, Уральскимъ, Кубанскимъ и Астраханскимъ, чтобы казаки сѣли на лошадей лучшихъ, нежели тѣ, на которыхъ сидятъ ихъ противникъ—афганцы, текинцы и персы. Широко слѣдуетъ поощрять ѣзду казаковъ на кобылахъ.

Но, конечно, это все *pia desideria*—пустыя, тщетныя мечты.

Чтобы закончить съ лошадью туркменскаго корня, надо сказать о карабурѣ.

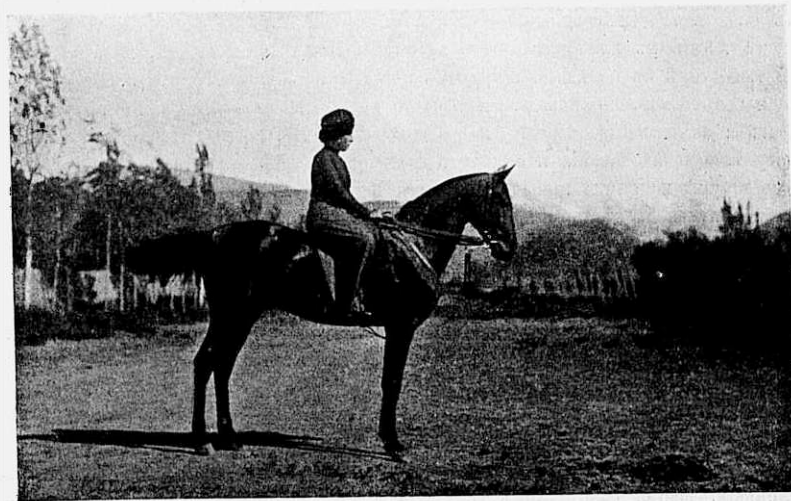
Если туркмень становится все болѣе и болѣе рѣдкою лошадью, если его уже надо искать, если онъ стоитъ большія деньги и разводится любителями, то карабуръ сталъ расхожею упряжною и верховою лошадью всего многолюднаго сартовскаго населенія. Маленькій, не выше 2-хъ аршинъ роста, съ грубоватою треугольною головою, лобастый, часто съ большими красными глазами, хорошими, прочными ногами, отличнѣмъ задомъ, спиною и почкою, хорошій прыгунъ, смѣлый и совкій карабуръ очень часто идетъ неопытному покупателю за туркмена и даже за араба. Можетъ быть, онъ вырожденъ бы во что либо лучшее, если бы не та тяжелая жизнь, которую ведутъ его мать и отецъ. Уже трехлѣткой въ тяжелой арбѣ, въ рукахъ у жестокаго арбакеша онъ начинаетъ свою работу задолго до свѣта и, увѣшанный цвѣтною сбруею, звонками и бубенцами, несетъ ее, не распрягаясь, до поздней ночи.

Это чернорабочая лошадь простолюдина сарта, и судьба ея тяжела. Можетъ быть, поэтому опыты улучшить ее (на заводѣ Иванова) не дали хорошихъ результатовъ. Какъ видно, въ карабурѣ неудачная метизація, не дающая въ дальнѣйшемъ хорошаго потомства, поэтому всѣ серьезные коннозаводчики оставили карабуровъ и ура-тюбинцевъ безъ вниманія и обратили особенное вниманіе послѣ туркменъ на киргизовъ.

III.

Киргизская лошадь.

Лошадь, на которой сидитъ угрюмый и тихій, бѣдный стадами киргизъ хребта и плоскогорій Алатау, Семипалатинской, Лепсинской и Копальской степныхъ пу-

Смѣтъ „Альбертона“ „Альманзоръ“, англо-туркмень, 3 лѣтъ.
На немъ известная въ краѣ наѣздница Е. А. Петрикова.

стынь; табуны болѣе веселыхъ, подвижныхъ, болѣе нестрыхъ нарядами и болѣе красивыхъ лицомъ кара-киргизовъ, населяющихъ плоскогорья Тянь-Шани, безкопечные сырты, наконецъ, лошади, на которой по Илійской долинѣ ѣздятъ таранчи и дунгане—это все киргизская лошадь.

Все то, чѣмъ торгуютъ на конныхъ ярмаркахъ на всемъ протяженіи отъ Алтайскихъ горъ до знойнаго Капгара, носитъ названіе киргиза.

На первый, поверхностный взглядъ—это все одно и то же. Маленькая, не выше 2-хъ аршинъ, нормального 1 аршинъ 14—15 вершковъ лошадка. Тупая, смиренная, спокойная. Ее можно, не привязывая, поставить на улицы—никуда не уйдетъ. Сбатованная лошадь цѣлаго полка стоять такъ смиренно, что издали кажутся кучей камней; тупая и неповоротливая, она не находка для любителя легкой, картинной ѣзды, для настоящего джигита.

И киргизъ, несмотря на то, что онъ родится вмѣстѣ съ лошадыю, что иначе, какъ верхомъ, это кривоногое существо нельзя себѣ и представить,—не джигитъ. Ни конная охота съ ястребами и беркутами, до которыхъ киргизъ великій охотникъ, ни байги на длинныхъ дистанціи, ни байги съ козлодраниемъ не дѣлаютъ его джигитомъ. И лошадь его, какою была при Тамерланѣ, такою осталась и нынѣ. Текинецъ весь—любовь къ лошади, это видно по его низкому, богато украшенному сѣдлу и сбруѣ, по расшитымъ попонамъ, по всему воспитанію текинскаго коня. Текинскій конь золъ, но не строптивъ. Онъ золъ къ постороннимъ, съ хозяиномъ же это другъ и рабъ.

У киргиза нѣтъ своего сѣдла. Его сѣдло или монгольское, китайское сѣдло, или наше казачье. Рѣдко можно увидѣть лепчикъ, выложенный яшмами, сердоликами и опиксами, и наборъ, усыянный бляхами чеканнаго серебра или золота, чаще прогнившій ремень и даже веревка. Безъ набитой спины киргизскую лошадь почти не увидишь. Проѣхалъ киргизъ, положимъ, въ гости верстъ за 300, онъ сѣлъ и ѣдетъ, покачиваясь въ сѣдлѣ, зиму и лѣто въ одномъ и томъ же костюмѣ: мѣховыхъ или стеганныхъ на ватѣ штанахъ на выпускѣ, халатѣ и мѣховой тюбетейкѣ съ колякомъ, кругомъ обшитымъ мѣхомъ. Проѣхалъ за день верстъ сто и заночевалъ, но лошадь очень часто не разсѣдалъ, потому еще проѣхалъ сто верстъ и опять не разсѣдалъ, и часто бываетъ, что, когда киргизъ пріѣзжаетъ къ мѣсту своего назначенія и снимаетъ сѣдло, то вмѣстѣ съ потникомъ снимается и часть шкуры на спинѣ лошади. Киргизу не жаль лошади. Онъ прижигаетъ ей спину и пускаетъ въ табуны, а себѣ беретъ другую.

Лошадь киргизъ никогда не чиститъ. Иногда въ лѣтній зной ее купаютъ гдѣ либо въ арыкѣ. Хозяи, теллой попоны, ласковаго похлопыванья по шеѣ, ласковаго слова, ласковаго имени лошадь не знаетъ. «Кызылъ-Атъ»—сѣрая лошадь, «Туры»—гнѣдая лошадь—вотъ названія призовыхъ скакуновъ. Лошадь у киргиза—привходящая его жизни, необходимая принадлежность кочевого ея быта и лишь на охотахъ поэзія.

И это сказалось и въ экстерьерѣ, и въ характерѣ, и въ привычкахъ этой лошади.

У ней треугольная большая голова, по большей части, очень некрасивая. Маленькія, всегда развѣзанныя (искусственно) или нвернемъ, или обрубленные уши съ длинными волосами, маленькіе тупые или злые, косо поставленные, какъ у свиньи, глаза, очень грубая и густая грива и такая же чолка. Спина прямая,

часто выпуклая, сильная почка, могучій задъ. Очень короткія ноги, оканчивающіяся или стальнымъ, отличнымъ копытомъ у горныхъ лошадей, или порочнымъ, съ низкой пяткой, плоскимъ копытомъ у степныхъ. Ноги, весьма часто разставленныя наружу или во внутрь, далеко не чистыхъ линій, заднія ноги, по большей части, съ коровьимъ поставомъ, но почти всегда съ могучимъ, широкимъ скакальнымъ суставомъ.

Походка тупая, лѣнивая. Когда сядешь на нее, не вѣришь, что она можетъ пройти сто верстъ въ день.

На первый взглядъ всѣ киргизскія лошади одинаковы, но когда поживешь и приглядишься къ нимъ, то видишь, что въ этой породѣ, быть можетъ, въ весьма отдаленныя времена было сдѣлано какое-то улучшение.

У большинства киргизскихъ лошадей шея выходитъ низко изъ груди и сверху вогнута, что придаетъ имъ отвратительный верблюжий видъ. Отъ такого выхода

Конный базаръ въ Ташкентѣ. Киргизы и карабайры.

шеи и постановки головы эти лошади имѣютъ скверный ходъ, заплетаются погамы, путаются, ода не падаютъ, плохо скачутъ, плохо прыгаютъ.

Но вотъ, и это преимущественно лошади сѣрой масти, киргизы съ правильной, крутой и высокой шеѣй. Голова у нихъ какъ будто меньше, лобъ шире, щеки меньше и красивѣе обрисованы, черныи глазъ больше. Маленькій пони. Что-то благородное, почти арабское сквозитъ въ этомъ киргизѣ, да, именно, арабское.

Въ исторіи Китая мы находимъ и объясненіе этому явленію. Около 140 года до Рождества Христова китайскій богдыханъ послалъ одного изъ своихъ дзяндзюней на рѣки Сыръ-Дарью и Аму-Дарью съ дипломатическою цѣлью склонять жителей долины этихъ рѣкъ совершить вторженіе въ Тангутъ, чтобы отомстить жителямъ Тангута за нападеніе на китайскіе предѣлы.

Дзянь-дзюнь въ своемъ отчетѣ о путешествіи въ нынѣшній Туркестанъ обратилъ особенное вниманіе на туркменскую лошадь, тогда очень близкую по кровямъ къ арабской.

«У даванцевъ, писалъ китайскій посланецъ, много добрыхъ коней; лошади эти имѣютъ кровавый потъ и пропсодятъ отъ породы небесныхъ лошадей; называйте лошадей узювъ (жителей города Уагента на Аму-Дарьѣ) совершенствомъ запада, а коней Давана—небесными¹⁾».

Этотъ отчетъ очень подѣйствовалъ на императора Ву-ди, и онъ отправилъ посольство специально для покупки въ Ферганѣ этихъ «небесныхъ» лошадей. Но жители Фергана не только на отрѣзъ отказались продавать лошадей, но, разгорѣвшись страстью овладѣть привезенными китайцами сокровищами, ограбили ихъ и убили.

Китайскій императоръ, узнавши объ этомъ страшномъ нарушении гостеприимства, снарядивъ громадное войско и дважды вторгнулся въ Фергану, разоряя ее. Послѣ второго вторженія даванцы просили пощады и обязались, кромѣ громадной денежной пени, выдать еще нѣсколько десятковъ великолѣпныхъ жеребцовъ и 3.000 жеребцовъ и кобылъ средняго разбора и, кромѣ того, ежегодно доставлять китайскому императору ко Двору двухъ жеребцовъ.

Въ 100 году до Рождества Христова побѣдоносное китайское войско, обремененное богатою добычею и лошадьми, тронулось въ Китай тремя колоннами. Сѣверная колонна шла на Ташкентъ, Чимкентъ и Аулия-Ата. Здѣсь въ пустыняхъ она подверглась нападенію со стороны кочевниковъ «усуицевъ», нынѣшнихъ киргизовъ; богатства, а, главное, лошади были разграблены и жеребцы пущены въ табуны киргизскихъ вождей.

Киргизская лошадь получила примѣсъ благородной арабской крови, примѣсъ настолько стойкую, что и по настоящее время нѣкоторые сѣрые табуны киргизскіе имѣютъ въ своихъ представителяхъ что-то арабское.

Не нужно забывать, что черезъ степи и плоскогорья теперешняго Семирѣчья дважды проходили полчища Чингисхана, въ рядахъ конницы котораго были лошади всѣхъ породъ, и, несомнѣнно, что тутъ вторично могло произойти освѣженіе нѣкоторыхъ киргизскихъ табуновъ арабскою кровью.

Но сами киргизы настолько равнодушно относятся къ улучшенію породы своихъ лошадей, что даже въ послѣднее время, когда государственное коннозаводство стало устранивать пункты и конюшни, раздавать жеребцовъ населенію, богатые владѣльцы громадныхъ табуновъ совершенно игнорировали улучшеніе конскаго состава прилитіемъ другой крови. Побѣдители на скачкахъ, то есть лошади, выказавшія наибольшую силу и рѣзвость, по большей части, холостяты киргизами, чтобы использовать ихъ еще и еще на скачкахъ. Подбора табуновъ нѣтъ никакого, и мы не ошибемся, что при всѣхъ этихъ условіяхъ киргизская лошадь, какъ у Сибирскихъ казаковъ, такъ и у киргизовъ не только не совершенствуется, но вырождается.

А, между тѣмъ, даже въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ теперь, эта маленькая лошадка по своимъ военнымъ качествамъ невольно обращаетъ на себя вниманіе.

¹⁾ В. П. Колосовскій. «Лошади Туркестана». Стр. 5 и 6.

Если смотрѣть со стороны, ея аллюры кажутся замедленными, но на отгѣренныхъ верстахъ, при походныхъ движеніяхъ на точно измѣренныя разстоянія она давала (шагомъ) верста въ 10 минутъ, рысью—верста въ 5 минутъ, перемѣнными аллюрами иѣлымъ полкомъ на протяженіи 40 верствъ часть шла съ неизмѣнною скоростью 8 верствъ въ часть, учебная команда, 23 человѣка, проходила со скоростью 9-ти верствъ въ часть до 94-хъ верствъ въ 11 часовъ безъ утомленія лошадей. Галопъ—верста 3 мин. 20 сек., медленнѣе трудно было добиться отъ цѣлой части на уздечкѣ, полевой галопъ на протяженіи до 4-хъ верствъ, по желанію, 2 мин. 20 сек. и 2 мин. 30 сек. верста, карьеръ подъ казаками—1 м. 45 сек. верста и подъ мальчиками 10 верствъ въ 15 минутъ 48²/₅ секунды, то есть совершенно правильные аллюры ремонтной кавалерійской лошади. Если къ этому прибавить, что лошадь, надъ которою дѣлались опыты, плохо кормлена, такъ какъ, по закону, довольствіе сухимъ фуражемъ лошадямъ Сибирскаго казачьяго войска положено лишь на 10 мѣсяцевъ въ году, что интендантство вмѣсто овса отпускаетъ въ полки мѣстный ячмень, который болѣе чѣмъ на половину не усваивается лошадьми и выбрасывается обратно, что ростъ и вѣсъ всадника (2 арш. 8—12 вершковъ и 5—7 пудовъ) совершенно не отвѣчаютъ росту и вѣсу лошади (1 арш. 14—15 вершковъ, 15—18 пудовъ), мы должны признать, что качества киргизской лошади таковы, что на нее, какъ на военную лошадь, слѣдуетъ обратить самое серьезное вниманіе.

Прибавимъ къ этому, что зиму и лѣто лошади эти не имѣли конюшенъ, выдерживая зимою морозъ до -30° R и лѣтомъ зной до $+45^{\circ}$ R, при этомъ стояли безъ попоны; что уходъ и чистка были самыя примитивныя; что при этихъ условіяхъ онѣ всѣ свободно прыгали 1 арш. 4 вершка въ вышину, большая часть 1 арш. 6 вершковъ и выдающиеся экземпляры 1 арш. 8 вершковъ; что на мѣстности онѣ идутъ великолѣбно, смѣло преодолевая арыки, канавы и стѣнки рисовыхъ полей; что онѣ легко карабкаются на горы и карьеромъ спускаются съ каменныхъ кручъ; что на нихъ джигитуютъ по два громадныхъ дѣтныя; что, брошенные при спѣшномъ боѣ, онѣ не удираютъ, и мы увидимъ, что природа надѣлила насъ громаднымъ боевымъ богатствомъ, надъ которымъ, однако, необходимо много поработать, чтобы дать ростъ, массу и настоящее лошадиное благородство линіи.

Что дѣлается въ этомъ отношеніи въ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ, не берусь сказать. Судя по смѣннымъ командамъ, которые приходятъ изъ 1-го военного отдѣла на весьма плохихъ лошадяхъ (всегда нѣсколько человѣкъ и вовсе безъ лошадей), тамъ или ничего не дѣлается, или дѣлается очень мало. Въ Семирѣченскомъ крайѣ, не въ войскѣ, потому что къ дѣлу улучшенія лошади и здѣсь казакъ оказался много индифферентнѣе, нежели крестьянинъ, за послѣднее время улучшеніе лошади изъ области опытовъ и попытокъ начинается выходить на путь довольно стройной системы.

Первый, кто началъ дѣло улучшенія киргизской лошади въ Семирѣчьи, былъ генералъ Колпаковскій, этотъ добрый геній Семирѣчья. Въ 80-хъ годахъ прошло столѣтія, но его настоянію, былъ устроенъ въ городѣ Вѣрномъ первый случайный пунктъ. Однако, пунктъ этотъ просуществовалъ недолго. Не нашлось средствъ для его поддержанія.

Затѣмъ при военномъ губернаторѣ генералѣ Іоновѣ это дѣло начало возрождаться снова. По его настоятельнымъ просьбамъ, государственное конно-

заводство пришло въ Семирѣчье нѣсколько жеребцовъ. Жеребцы эти были рождены населенію и большинство ихъ погибло отъ неумѣнія обращаться съ ними. Многие жеребцы, кромѣ того, оказались порочными и приплодъ ихъ не далъ ничего хорошаго.

При теперешнемъ военномъ губернаторѣ Семирѣченской области генерал-майорѣ Фольбаумъ насажденіе культурнаго коневодства по всему краю идетъ весьма интенсивно.

Большинство станицъ Семирѣченскаго войска имѣтъ прекрасныхъ жеребцовъ Ново-Александровскаго, Стрѣлецкаго государственныхъ заводовъ, завода Королева Западной части Задонской степи и другихъ. Видѣнный мною въ Голубевской станицѣ (Борохудири), въ 45 верстахъ отъ Китайской границы, жеребецъ завода Королева, 5-ти вершковъ роста, по могучему сложенію и правильности формъ, а также по прекрасному содержанію не оставялъ желать ничего лучшаго.

Дѣти этихъ станичныхъ производителей, попадая въ хорошія руки, дѣлаютъ здѣсь даже скаковую карьеру. Неизмѣнный побѣдитель Джаркентскихъ и Пржевальскихъ соловьговъ (рекордъ 2 арш. 4 вершка), Джаркентскихъ, Пржевальскихъ и Вѣрненскихъ скачекъ рыжий жеребецъ «Султанъ», сынъ мѣстной матки и станичнаго производителя Ново-Александровскаго государственнаго завода, побѣжденъ только чистокровнымъ «Лордомъ», выводнымъ изъ Австріи; другой приплодокъ, сѣрый конь «Защитный», сынъ киргиза и Стрѣлецкаго жеребца, тоже съ успѣхомъ подвизается на всѣхъ мѣстныхъ ипподромахъ. О ихъ службѣ въ строю говорить нечего—это идеальные боевые кони. Они сочетали въ себѣ всѣ вышеописанныя качества киргиза при ростѣ 2 арш. 2—3 вершка и нѣкоторомъ благородствѣ формъ.

Кромѣ того, въ настоящее время за счетъ земства функционируютъ слѣдующіе случные пункты въ Семирѣчьи: *Вѣрненскій*, начавшій свою дѣятельность еще во времена генерала Колпаковского и окончательно устроенный въ 1905 году при генералѣ Ионовѣ. Было 6 жеребцовъ. Въ настоящее время Вѣрненскій пунктъ усиливается и улучшается за счетъ Пржевальскаго пункта. *Пржевальскій*, открытый благодаря усиленнымъ и настойчивымъ хлопотамъ генерала Фольбаума въ 1911 году. По составу жеребцовъ, ихъ содержанію, по той популярности, которую онъ пользуется въ окрестности, это лучший коннозаводскій пунктъ во всемъ Семирѣчьи.

Наконецъ, основанная въ 1912 году конюшня въ Ауліа-Ата, несомнѣнно, отчасти будетъ обслуживать и Семирѣчье.

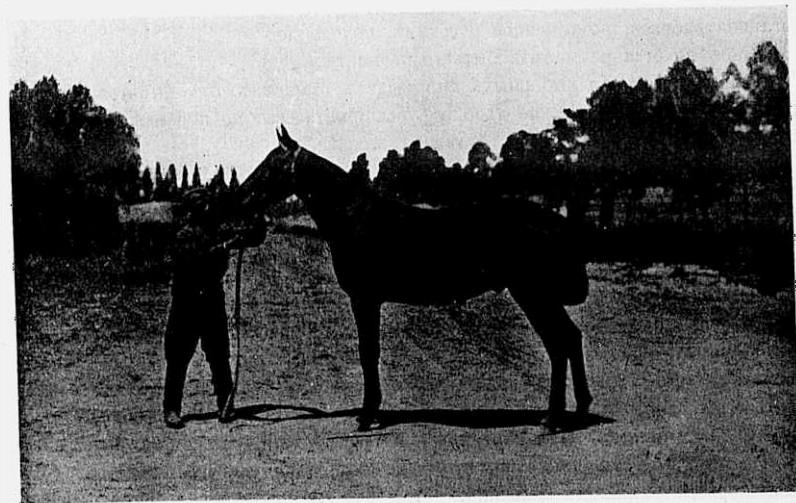
Для того громаднаго коннаго края, который представляетъ изъ себя Туркестанъ и Семирѣчье, всего этого немного, и бѣда не въ томъ, что этого немного, а въ томъ, что это не совсѣмъ то, что нужно Семирѣчью.

Случные пункты, земскія конюшни, раздача жеребцовъ населенію—все это хорошо тамъ, гдѣ населеніе густо распредѣлилось по широкому пространству, хозяйства маленькія и число матокъ у отдѣльныхъ хозяевъ не велико—одна, двѣ, три. Это помощь кустарямъ, выдѣлывающимъ лошадь, такъ сказать, поштучно. Но тамъ, гдѣ имѣются громадные табуны, гдѣ есть владѣльцы тысячъ лошадей гдѣ есть пространства, позволяющія пасти и пугать массы лошадей, казалося, нужно было бы завести фабричную, такъ сказать, выдѣлку ремонтной лошади, подобную той, которую ведутъ вотъ уже скоро полстолѣтія донскіе коневоды и которую начали полтора года лѣтъ тому назадъ въ Задоньи донскіе дворяне и казаки.

Семирѣчье заселено русскими поселенцами оазисами, отстоящими другъ отъ друга на десятки, а иногда и на сотни верстъ. Группы русскихъ поселеній отдѣлены часто другъ отъ друга неприступными горами или трудно проходимою рѣкою Или. Пески и камни, солончаковыя степи, лѣссовыя болота, такъ называемые сазы, покрытые густымъ камышемъ, горныя кручи, большую часть года покрытыя снѣгомъ, полное отсутствіе хорошихъ дорогъ, недоступность путей на три—четыре мѣсяца распутицы, горныя бураны, словомъ, полная примитивность жизни, напоминая жизнь первыхъ колонистовъ Америки, героевъ Эдгара Поэ, дѣлаетъ то, что нужно имѣть крѣпкое желаніе покрыть свою кобылку хорошимъ жеребцомъ, чтобы вести ее для этого за триста, четыреста верстъ.

Окрестное населеніе широко пользуется конюшнями. Вокругъ Пржевальска, благодаря неутомимой дѣятельности В. А. Пяновскаго, очень много бродитъ «Альбертонычей», «Пальмертонычей», «Скальдовичей», «Грамотоновичей», цѣны на годовиковъ дошли до 150—200 рублей, когда взрослая киргизская лошадь стоитъ 50—70 рублей, но дальше на плоскогорьяхъ Тянь-Шаня, въ громадныхъ сыртахъ попрежнему бродятъ громадные киргизскіе табуны, нѣкъмъ не улучшаемые. Ни у богатаго киргиза Сары-бая, ни дальше въ окрестностяхъ Каркары и Кегени, гдѣ вся зеленая долина покрыта стадами овецъ, быковъ и табунами лошадей только возрождается. Та же картина и у калмыковъ подлѣ Нарыкола, у подножія Хан-Тен-Гри, гдѣ лучшая, болѣе нарядная и рослая козмакская лошадь, разновидность киргизской, также вырождается.

Мнѣ кажется, настала часъ изъять это массовое производство киргизской лошади изъ рукъ киргизскихъ батырей, баевъ и манановъ и взять его въ твердыя, культурныя руки. Киргизы могутъ остаться лишь табунщиками, какъ таковыми остались калмыки въ Задонской степи Европейской Россіи. Предгорія, плоско-

Полукровный англо-киргизъ. Годовикъ 1 арш. 14½ вершк. Мать 1 арш. 14 вершк. отъ чистокровнаго „Полнведы“ и киргизской матки, род. 1911 г.

Старт „аламанъ-байги“ въ Пржевальскѣ 7-го мая 1912 г., 10 версть въ 15 мин. 48²/₅ сек.

горя и горныя долины Тянь-Шанскихъ горъ должны покрыться культурными питомниками, частными или казенными, русскихъ людей съ рассадниками арабовъ для перваго поколѣнія и чистокровныхъ для дальнѣйшаго производства ремонтной лошади.

Пора сдѣлать настоящую оцѣнку азіатамъ всякаго сорта; изъ положенія лучшаго, нежели у русскихъ, спустить ихъ на принадлежащее имъ отъ Господа Бога полуарабское, подчиненное русскимъ, положеніе.

Рабъ никогда не можетъ быть господиномъ.

Отъ уничтоженія выборныхъ киргизскихъ старшинъ, отъ уничтоженія баевъ выиграетъ не только русское дѣло и русскіе интересы, но и самая жизнь простолюдина-киргиза станетъ лучше, богаче и веселѣе.

IV.

Конный спортъ у туземцевъ Средней Азій.

Чтобы закончить съ описаніемъ лошадей русской Средней Азій, необходимо сказать о конномъ спортѣ на этой интересной русской окраинѣ.

Здѣсь постепенно замираетъ, когда-то бывшій ключомъ, дикій и азартный туземный спортъ сартовъ и киргизовъ и медленно нарождается русскій скаковой и рысистый спортъ по программамъ обще европейскимъ.

Не любя лошадь, какъ картинку, какъ средство носиться по пространству, пожирая его, и сартъ, и киргизъ любятъ лошадь, какъ могучее средство охоты и дикой борьбы. Слишкомъ большія пространства, лежація передъ нимъ, заставили его болѣе всего цѣнить дистанціонныя скачки на 10, 15, 30, 40 верствъ—все время карьеромъ. Къ конному спорту народовъ Средней Азій нужно отнести *охоту* съ

ястребами, соколами и беркутами на маленькихъ перепелокъ, на фазановъ, на вояковъ и кабановъ, *шру* въ «*дъвку-волка*», дикую «*аламанъ-байгу*» и «*байгу-уликъ*»...

Какъ только осенніе ночные холода позолотятъ листьву садовъ туземныхъ кипшаковъ, а на поляхъ на мѣсто волнущей вѣтромъ пшеницы, джугары и чумизы вырастутъ громадныя скирды золотистаго хлѣба, и гдѣ махвиной, гдѣ просто пуская лошадей топтаться по хлѣбу, начнется молотба, все чаще и чаще можно встрѣчать въ поляхъ охотниковъ-киргизовъ съ соколами и ястребами, а ближе къ горамъ или въ камышахъ и съ беркутами. Два, три, иногда и больше, часто съ женщинами, сидящими по мужски, въ бѣлыхъ кобынкахъ и халатахъ въ талью, одѣтые рѣдко ярко и пестро, но съ лошадьми, очень часто убранными цвѣтными уздечками или подъ наборъ, ѣдутъ киргизы на охоту. На рукѣ, съ головой, накрытой кожанымъ, чаще всего чернымъ, колпачкомъ, сидитъ соколъ въ нарядномъ сѣро-бѣломъ своемъ опереніи или красноватый ястребъ, или громадный беркутъ.

Тамъ, гдѣ въ камышахъ или подлѣ полей кипши кипятъ фазаны, тамъ колпачекъ снимается съ головы охотничьей птицы и онѣ взмываютъ въ голубую высь неба и парятъ надъ полями. А киргизы стоятъ, и косые глаза ихъ, устремленные къ небу, искрятся подъ солнечными лучами ослѣпительнаго, тихаго осенняго дня.

И вотъ, птица кинулась внизъ, и съ криками, и непередаваемымъ типичнымъ азіатскимъ визгомъ пустыни, щелкая нагайками, несутся охотники забрать птицу.

Это они уничтожили фазановъ, когда-то ходившихъ, какъ воробьи у насъ, въ камышахъ и по кустамъ горныхъ долинъ. Правда, и теперь еще фазановъ много, но, если принять во вниманіе, что хорошій соколъ беретъ въ день до ста фазановъ, не разбирая гѣтуховъ и куриць, что рыночная цѣна фазана въ Джаркентѣ 20—30 коп., немного ихъ остается на разводѣ.

Еще интереснѣе охота съ беркутами. Въ глухой песчаной степи, вблизи камышевыхъ острововъ, а иногда и въ такихъ горахъ, гдѣ, казалось бы, не только конная охота, но просто никакая ѣзда невозможна, зорко посматривая по сторонамъ, несутся наѣздники-киргизы. Ищутъ волка. И вотъ, увидели... Взяли громадный беркутъ и долго нарить, то кружа, то косясь, преслѣдуя волка. И то стоятъ, какъ зачарованные, на своихъ маленькихъ коняхъ, то бѣшено мчатся азіаты, догоняя птицу. Въ эти минуты на ихъ смуглыхъ узкоглазыхъ лицахъ, обычно ничего не выражающихъ, сверкаетъ неземной восторгъ. Ловко сидящіе на лошадяхъ, въ эти минуты они почти прекрасны. Разставили широко заднія ноги маленькій киргизъ, напружинили широкій задъ, подняли косматую голову, и въ его узкихъ глазахъ тоже загорается что-то лошадиное, что-то благородное. И вдругъ съ громадной выси беркутъ упалъ и ударилъ по волку. Онъ схватилъ одной лапой за горло и, широко отставивъ другую, прижалъ ею задъ къ землѣ, парализовавъ движенія. Соскакиваетъ на полномъ ходу съ запотѣлаго скакуна охотникъ и съ кривымъ нежомъ бѣжитъ, спотыкаясь на кривыхъ ногахъ, къ добычѣ. А брѣшенная лошадь стоитъ неподвижно и лишь пугливо шарается, когда будутъ вычищать на нее страшную добычу...

А съ какою гордостью принимаетъ юноша-подростокъ отъ отца дорогаго беркута и бережно несетъ его на насѣсть. Грязный, противный азіатъ-дикарь въ эту минуту прекрасенъ возлѣ своей кибитки или возлѣ гниобитнаго логовища зимовки.

Зимую или подь весну, когда зазеленѣвшая долина или громадное плоскогорье, окруженное бѣлыми снѣговыми горами, манитъ своимъ широкимъ просторомъ, а кибитки киргизовъ стоятъ еще тѣсно на зимовкѣ, вдругъ объявляется игра въ «дѣвку-волка». Самая хорошенькая, самая молоденькая дѣвушка всей волости на лучшемъ скакунѣ изъ всѣхъ окрестныхъ табуновъ, разрядившись въ цвѣтныя одежды, въ пестромъ кафтанѣ, съ большими золотыми серьгами въ ухахъ, вся въ разноцвѣтныхъ монистахъ, румяная, какъ вѣрненское яблочко, сверкающая перламутромъ ровныхъ зубовъ, такихъ крѣпкихъ, что могутъ перегрызть подкову, съ горящими маленькими глазенками, какъ влипшая въ сѣдло, почти прекрасная въ своемъ молодомъ задорѣ даже и съ европейской точки зрѣнія, изображаетъ изъ себя волка. У ней въ рукахъ здоровая плеть изъ кожи жеребенка съ серебряными перехватами, и не совѣтую приближаться къ ней: отлупить этою плетью по чѣмъ попало, такъ, здорово живешь. Но и награда большая тому, кто на скаку схватитъ ее въ объятія. Онъ можетъ поцѣловать въ видѣ «сеялау» (награды) ее въ пунцовыя полураскрытыя губы, дышація зноемъ скачки, въ ея раскрасившіяся горячія щеки. Онъ—побѣдитель!

И старый, и малый, и человекъ тридцать киргизовъ, и женихъ, копяцій камыль—ковры и серебромъ украшенные турсуки для кумыса, и старый киргизъ селадонъ, любитель свѣжей юности, и лихой наѣздникъ,—всѣ здѣсь... А кругомъ толпа зрителей. Сотни мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Цѣлая орда. Всѣ верхомъ. Голубое небо безъ облака, серебромъ сверкають ледники и тихо журчатъ снѣге ручьи. И вотъ, поплы. Сколько визга, крика, сколько удали въ этой бѣшеной «дѣвкѣ-волкѣ». Какіе ручьи въ каменистыхъ берегахъ съ маху беретъ ея скакунъ, какіе повороты, остановки. Скачутъ, не считая верствъ, кругомъ просторъ Божьяго міра. И вотъ, настигъ ее старый, отвратительный, брюхатый киргизъ и тянетъ длинныя лапы, чтобы охватить прекрасную амазонку... И шелкъ, щелкъ, по снѣгѣ, по рукамъ, по головѣ огрѣла его красавица и мчится дальше, звонко смѣясь...

Но, вотъ, молодой «батыръ»¹⁾, красавецъ киргизъ въ желтомъ малахаѣ, отороченномъ лисцей, изогнувшись, ловко охватилъ ее сбоку. Секунду лошади скачутъ вмѣстѣ такъ плотно одна къ другой, что страшно становится, что одна зашьдетъ другую. Кругомъ настагаетъ толпа. Крикъ, споры, возгласы, поощренія, удастся или нѣтъ.

И поцѣлуй въ самый пурпуръ отверстыхъ губъ, въ ровный, какъ полоска слоновой кости, перламутръ влажныхъ зубовъ...

Въ изнеможеніи и потомѣ останавливаетъ запотѣлаго скакуна «дѣвка-волкъ», а кругомъ крики поощреній, ликующаго торжества, клики побѣды...

Въ эти минуты видишь, какіе это наѣздники, какіе артисты своего дѣла!

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ аламанъ-байга. За много времени впередъ все окрестное киргизское население навѣщается о томъ, что будетъ тамъ-то «аламанъ-байга». Призъ первой лошади на этой скачкѣ превышаетъ часто 1.000 рублей. Иногда, по случаю поминковъ, родственники какого-нибудь очень знатнаго киргиза устраиваютъ аламанъ-байгу, на которую даютъ призъ въ 2.000—3.000 рублей. Задолго къ назначенному мѣсту, гдѣ либо въ пустынѣ, собирается толпа въ 5—6 тысячъ человекъ. Ночью горятъ костры, слышенъ гулъ голосовъ, ревъ вер-

¹⁾ Батыръ.

блюдовъ, ржанье лошадей. Все напоминаетъ тѣ времена, когда орда собиралась, чтобы пронестись кровавымъ потокомъ по Европѣ.

Скакунъ, ихъ бываетъ иногда божье сотни, отлично тренированы, высушены и покрыты мускулами. Наѣздники, мальчики 8—12-ти лѣтъ, въ легкихъ халатникахъ, прочно привязаны къ однимъ ленточкамъ, иногда безъ потниковъ. Дистанція байги колеблется отъ 2-хъ до 100 верствъ, обыкновенно 20—40 верствъ. Подранялись и вотъ—«айда!»—«пошли!» Съ мѣста замахали слабыя дѣтскія ручки нагайками и такъ будутъ махать до самаго финиша. Родственники и знакомые владѣльцевъ лошадей криками, визгомъ, а иногда, срываясь изъ толпы, на своихъ лошадяхъ окружаютъ приставшую лошадь и буквально протянуть ее два, три круга, поощряютъ лошадей.

И все время, что идетъ эта скачка, крикъ и гомонъ, визгъ и хлопанье нагаекъ не перестаютъ.

Рѣзвость этихъ скачекъ поразительная. По даннымъ книги Колосовскаго:

2 версты—	2 мин. 49 сек. или на версту	1 мин. 24 ¹ / ₂ сек.
6 верствъ	200 саж. 9 мин. 22 сек. или на версту	1 мин. 26 ¹ / ₂ сек.
17 »	25 » 30 » » » »	1 » 30 »
20 »	27 » 30 » » » »	1 » 22 ¹ / ₂ »
30 »	48 » 45 » » » »	1 » 37 ¹ / ₂ »
100 »	4 ¹ / ₂ часа, причемъ участники	пришли къ назначен-

ному мѣсту шагомъ¹⁾.

Я лично присутствовалъ на аламанъ-байгѣ въ Пржевальскѣ 7-го мая 1912 года, гдѣ на точно промѣренномъ цѣпью кругу на 10-ти верстной дистанціи рѣзвость была 15 мин. 48²/₅ сек., то есть на версту—1 мин. 34,8 сек.

Однако, далеко не всѣ изъ скачущихъ приходятъ къ финишу. Уже на третьей веретѣ изнеможенные скакуны начинаютъ отпадать. Чѣмъ дальше идетъ скачка, тѣмъ число скачущихъ становится меньше, и къ финишу подходятъ пять, шесть лошадей.

Совсѣмъ особый характеръ носитъ «байга-уликъ»—скачка съ козлодраниемъ, устраиваемая, какъ сартами, такъ и киргизами, обыкновенно осенью, въ дни праздниковъ курбанъ-байрама. На широкія поля, покрытыя стерною отъ сжатой пшеницы, перерѣзанные узкими и глубокими, широкими и мелкими, то тонкими, то каменными арыками, поросшими исполнинскими репейниками, колючками и бурьяномъ, выѣзжаетъ громадная толпа киргизовъ. Это участники и зрители, и самъ устроитель «байги-улика», какой-нибудь толстый, массивный, богатый киргизъ.

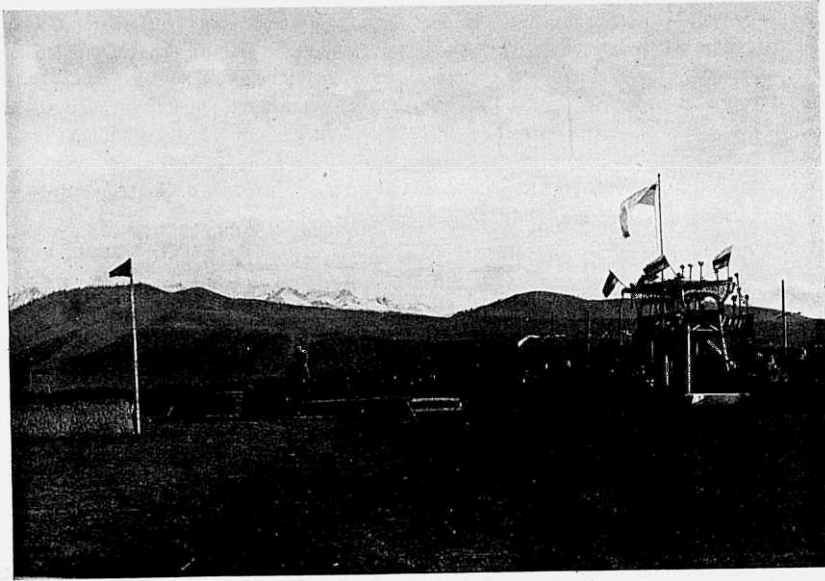
Сюда же везутъ козленка или небольшого теленка, котораго въ толпѣ наѣздниковъ рѣжутъ и бросаютъ на землю.

И сейчасъ же расторопный киргизъ, лихо безъ скомовокъ склоняется къ землѣ, достаетъ козла и, подхвативъ его на переднюю луку, быстро вырывается изъ круга участниковъ и мчится по полю, не разбирая мѣстности.

Всѣ участники, съ визгомъ и крикомъ, безъ которыхъ ни у киргизовъ, ни у сартовъ немислимъ никакой спортъ, нахлестывая лошадей нагайками, несутся за нимъ. Настигаютъ, хватаютъ трупъ козла за что попало: за ноги, за голову, за бокъ, мчатся кучей, стараясь вырвать козла другъ у друга, бросая поводья,

¹⁾ В. И. Колосовскій «Лошади Туркестана». Стр. 116—117.

впиваясь окровавленными руками въ добычу. По полю за лошадьми тянутся внутренности, выпавшія изъ разорваннаго козла; вся ватага то несется полнымъ ходомъ, то вдругъ остановится и стоитъ, растягивая козла, то кто-нибудь, овладѣвши козломъ, несется бѣшеннымъ ходомъ, презирая арыки, обрывы. Здѣсь часто убиваются на смерть. По мѣрѣ хода «байги-улики» поле, на которомъ она идетъ, начинается

Пржевальскій ипподромъ. Трибуны и членская бесѣдка. Полковникъ П. Н. Красновъ на „Вандѣ“. Прижокъ изъ корзинки.

напоминать поле сраженія. Лежатъ люди безъ памяти, ихъ тутъ же отливаютъ водою изъ арыковъ, ведутъ подъ руки ушибленныхъ, несутся лошади безъ всадниковъ. Наконецъ, утомились. Побѣдитель гордо везетъ козла къ устройтелю скачки или самому почетному гостю и кидаетъ къ его ногамъ истерзанннй, разодранннй трофей и получаетъ за это маленькую награду—«селляу», копѣекъ 20.

Невольно думаешь, какая великолѣпная конница можетъ выйти изъ этихъ отчаянныхъ въ рукопашной конной дракѣ людей.

V.

Русскія скаковыя общества въ Средней Азій.

Какими жалкими, скучными и однообразными послѣ этихъ дней забавъ должны показаться азіатскимъ наѣздникамъ наши скачки, соперствы и ннныя конныя состязанія. И, тѣмъ не менѣе, туземцы съ восторгомъ посѣщаютъ наши скаковыя ипподромы и, несмотря на жалкіе призы, отпускаемые мѣстными скромными

средствами скаковыхъ обществъ, на скачки мѣстныхъ лошадей и «аламанъ-байгу» поле скачущихъ всегда бываетъ въ нѣсколько десятковъ человекъ, а разговоры о скачкѣ начинаются за мѣсяцъ до нея и продолжаются мѣсяцъ послѣ нея.

Чисто русскія скаковыя общества, преслѣдующія коннозаводческія цѣли, начали свои дѣйствія еще въ 1868 году, когда открылось Ташкентское скаковое общество, имѣвшее президентомъ полковника Штрандмана и состоявшее подъ особымъ покровительствомъ генералъ-адъютанта Кауфмана, ежегодно жертвовавшего по 500 рублей на его нужды деньгами и цѣнными призами. Первые, вполнѣ организованныя, скачки этого общества были 1-го октября 1882 года въ присутствіи генералъ-лейтенанта М. Г. Черняева и состояли изъ 2-хъ верстной съ 4-мя препятствіями джентльменской скачки, 3-хъ верстной гладкой и 6-ти верстной туземной скачки. Скакалаи лошади мѣстныхъ породъ—киргизы, карабairи и туркмены.

Здѣсь же впервые въ Туркестанѣ, подъ наѣздникомъ-офицеромъ В. А. Пяновскимъ, появилась высокая полукровка «Альбертонъ», побравшій почти всѣ призы и наглядно доказавшій превосходство англійской крови надъ всякою другою.

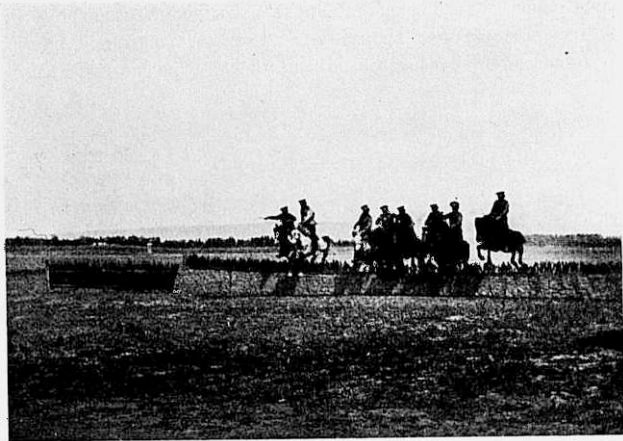
Сокальскія гимнастика 2-го Сибирскаго казачьяго полка.

Въ 1893 году устроилось Самаркандское скаковое общество, которое просуществовало всего 14 лѣтъ и въ 1907 году, за недостаткомъ денежныхъ средствъ, закрылось, а скакуны Самарканда перешли въ Ташкентъ и въ Асхабадъ, гдѣ въ 1902 году возникло «Закаспійское скаковое общество», поставившее себѣ перво-

начально цѣль «развитіе въ области коннозаводскаго дѣла вообще, а также поощреніе и охраненіе чистой туркменской и другихъ восточныхъ лошадиныхъ породъ, разводимыхъ въ области».

Въ 1907 году въ г. Скобелевѣ, въ Ферганѣ, зародилось военное скаковое общество. При ограниченности его средствъ, дѣятельность его заключается въ одномъ скаковомъ днѣ въ годъ. Скачутъ почти исключительно чистокровныя лошади, принадлежащія офицерамъ мѣстнаго гарнизона.

Въ 1909 году возникло «Пржевальское поощрительное скаковое общество», подъ покровительствомъ командующаго войсками Семирѣченской области генераль-маіора Фольбаума. Благодаря неутомимой энергіи своего секретаря В. А. Пяновскаго, это общество устроило очень хорошія свой ипподромъ съ

Стипльчезъ нижнихъ чиновъ. Казаки 1-го Сибирскаго казачьяго Ермака Тимофеева полка.

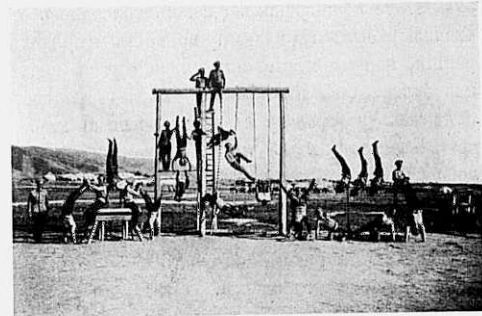
трибунами и имѣло въ нынѣшнемъ году два скаковыхъ дня, составленныхъ по весьма интересной программѣ.

Съ 1912 года начало функционировать, благодаря энергіи генерала Фольбаума и дѣятельности Вѣрненскаго уѣзднаго начальника ротмистра Лиханова, Вѣрненское скаковое общество, устроившее уже два скаковыхъ дня — одинъ весенній въ апрѣлѣ и другой осенній въ сентябрѣ 1912 года.

Въ 1911 году при Западно-Сибирской казачьей бригадѣ были устроены состязанія — лѣтомъ въ стоверстномъ пробѣгѣ и осенью въ пробѣгѣ на 257 верстъ изъ Джаркента въ Пржевальскъ. Вскорѣ, осенью 1911 года, офицеры бригады составили «Джаркентское общество любителей военнаго спорта», имѣвшее, несмотря на крайне ограниченныя средства (рублевый мѣсячный взносъ господъ офицеровъ бригады), съ февраля по июль 1912 года восемь скаковыхъ дней, въ которые вошли слѣдующія состязанія:

26-го февраля. Карусельная ѣзда. Гимнастика на лошадяхъ. Рубка для гг. офицеровъ. Concours hippique на 6 препятствій. Джигитовка.

28-го марта. Карусельная ѣзда. Гимнастика на лошадяхъ. Состязаніе гг. офицеровъ въ уколахъ пиками. Призовая стрѣльба изъ винтовокъ гг. офицеровъ. Состязанія въ рубкѣ казаковъ. Concours-hippique на 10 препятствій. Скачка казаковъ черезъ 18 барьеровъ на полевоиъ га-лопѣ.

Гимнастика 2-го Сибирскаго казачьяго полка.

7-го апрѣля. Игра въ лисичку. Concours hippique на 6 препятствій для нижнихъ чиновъ. Бой на конѣ на эспадронахъ. Состязаніе нижнихъ чиновъ въ уколахъ пиками. Скачки нижнихъ чиновъ безъ сѣделъ черезъ 18 барьеровъ. Пробѣгъ по мѣстности за вожаконъ на 3 версты и послѣ гладкая скачка на 1 версту.

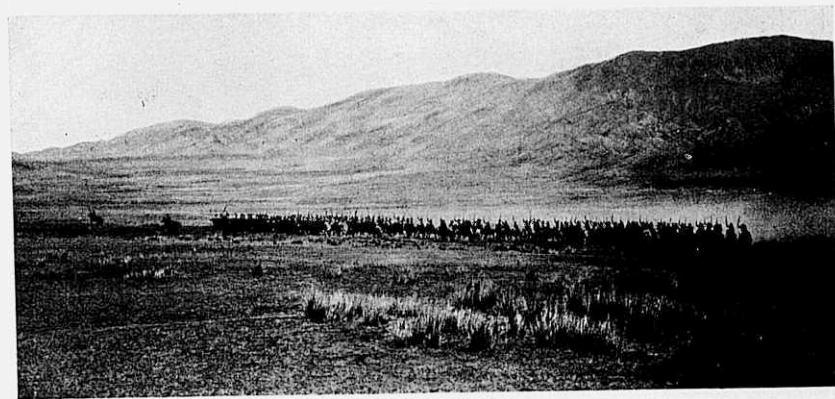
24-го июня. Состязаніе сотенъ въ рубкѣ.

29-го июня. 2-хъ верстная гладкая скачка для гг. офицеровъ. Пробѣгъ нижнихъ чиновъ за вожаконъ на 3 версты, потомъ гладкая скачка на одну версту (рѣзвость 1 м. 45 сек.).

13-го июля. 10-ти верстный офицерскій пробѣгъ за вожаконъ по мѣстности (25 мин.). Послѣ скачка на 1 версту гладкая. Пробѣгъ развѣдчиковъ съ доставкой словеснаго донесенія съ горъ на 5 верстъ. Сокольская и фигурная гимнастика.

30-го июля. 50-ти верстный пробѣгъ гг. офицеровъ въ 4-хъ часовую норму и послѣ скачка на 1 версту. 2-хъ верстный стипльчезъ нижнихъ чиновъ съ 3-ми препятствіями. Сокольская гимнастика.

5-го августа. 3-хъ верстный стипльчезъ на призы военнаго министерства. Ординарческая скачка (courses au clocher) нижнихъ чиновъ на 5 вер. Сокольская гимнастика.

Атака въ пустынь (сотни 2-го Сибирскаго казачьяго полка).

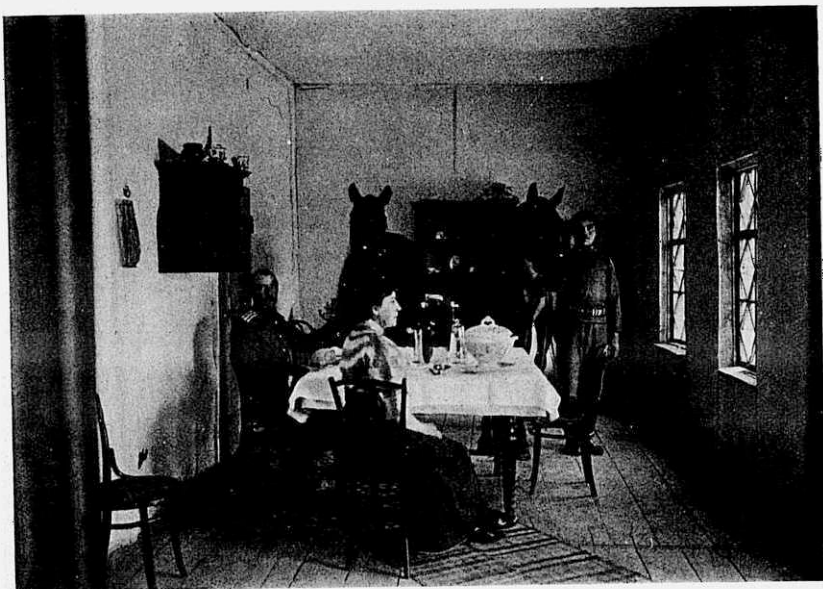
Поле офицерских скачек колебалось от 5—11 участников. Интересъ къ скачкамъ былъ громадный во всѣхъ городахъ. По отсутствію большой конкуренціи, первыя мѣста оставались или за полукровными (улучшенными киргизами), или (когда они принимали участіе) за чистокровными лошадьми. Киргизы не пытались участвовать въ этихъ состязаніяхъ.

Къ сезону 1913 года Джаркентское общество ожидаетъ 4-хъ чистокровныхъ лошадей, приобретенныхъ офицерами на Коломяжскомъ ипподромѣ. Несомнѣнно, ихъ присутствіе оживитъ состязанія молодого общества.

Такова картина коннаго спорта въ Средней Азии, на фонѣ умирающаго, но все еще азартнаго, кинучаго туземнаго спорта медленно набрасываются планы здороваго русскаго спорта.

Многое, какъ видно, здѣсь еще неправильно, многое идетъ по ложному пути, но смѣемъ мечтать и надѣяться, что когда нибудь все это «образуется», какъ, волею Господа Бога и заступничествомъ святыхъ его угодниковъ, все въ свое время образовывалось и устранилось въ нашей, Богомъ хранимой, родинѣ.

П. Красновъ.

Обѣдъ съ дорогими гостями. Изъ жизни спортсменовъ.
Полковникъ П. Н. Красновъ съ супругой у себя въ столовой.

Маленькій фельетонъ.

Ропоть.

У трактира «расяивочно и на выносъ», въ которомъ, какъ въ муравейникѣ, топился рабочій людъ и слышался безконечный говоръ, пьяное пѣнье, галдѣнье и русская брань звучно носилась въ воздухѣ, стоялъ биндюгъ, запряженный парюю лошадей, изнуренныхъ тяжелой работой, плохимъ досмотромъ и недоѣданіемъ. Одна изъ лошадей—небольшая сѣренькая, еще молодая, изъ простыхъ рабочихъ, кроткая, покорная, безъ всякаго ворова, ничѣмъ не замѣчательная, ничѣмъ неодаренная, самая обыкновенная смертная лошадь. Нѣтъ у нея ни крупной, размашистой рыси, ни быстрого скачка, ни удали; тупымъ шагомъ, мелкой, неспорой рысцой и далеко не могучею силой она честно и безропотно несла свою тяжелую службу, часто переходя отъ одного хозяина къ другому. Другая—золотисто-гнѣдая кобылица, высокаго роста старушка, съ сильно замѣтными слѣдами породистости и бывшей красоты, какъ бывають замѣтны интеллигентныя черты въ пожилой благородной дамѣ, доживающей свой вѣкъ, въ силу какихъ-нибудь роковыхъ обстоятельствъ, въ бѣдности, лишеніяхъ, въ непосильной борьбѣ съ нуждою. «Маруся», какъ называлась по аттестату культурная старушка, отставя впередъ свою большую переднюю ногу и низко, чуть не до земли, опустивъ понуренную голову, роптала на свою злую судьбу, наложившую на нее такое тяжелое бремя.

— Вѣдь я не простая лошадь,—тяжело вздохнувъ, говорила она,—я принадлежу къ бѣлой кости, въ моихъ жилахъ течетъ благородная кровь; мой отецъ кровный, мать англо-арабка. Я была недурна собой и нѣжно воспитана. Стояла въ большихъ, свѣтлыхъ денникахъ на мягкой, чистой соломѣ; ѣла отборный овесъ. Въ молодые годы скакала на ипподромахъ и, хотя не была первоклассной въ дѣлѣ этого спорта, но и никогда не приходила къ столбу послѣдней. Семь лѣтъ прослужила на царской службѣ подъ сѣдломъ офицера-конника.

Хорошее это было время. Это была, правда, не легкая, но сытая, здоровая и счастливая жизнь. Съ быстротой вихря носила я своего хозяина по холмистымъ полямъ Бессарабіи на лихихъ эскадронныхъ ученияхъ и осеннихъ маневрахъ специально кавалерійскихъ сборовъ дивизій. Никогда не споткнулась, не упала подъ нимъ ни днемъ, ни въ ночную пору, никогда не подвела на смотрѣхъ: не вырвалась по горячности, не отстала по лѣности, не вынесла въ сторону по упорству, не испугалась чучель, не обнесла пренятствій. Все исполняла съ рѣдкимъ усердіемъ, умѣніемъ и ловкостью.

Покорно, безропотно я исполнила не только царскую службу своего хозяина, но иногда и престо его капризы и прихоти молодости. Не разъ, бывало, на маневрахъ, послѣ жаркихъ учений, вернувшись домой въ хут. Ближній,—наше лагерное квартирно-бивачное расположеніе,—немного отдохнувъ, перекусивъ и почистясь, возила его въ Тирасполь на бульваръ поужинать, послушать музыку. Подожду его тамъ съ вѣстовымъ два—три часа и веау обратно въ Ближній. Подходить, бывало, ко мнѣ—вижу я bon courage: подогну свою спину, чтобы легче ему было сѣсть, сама стою, какъ вкопанная... сядетъ, шлепнетъ меня по

802-17
1069

Вѣстникъ Русской Конницы

1871 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ГОДЪ 8 РУБ.

Иллюстрированный журналъ, издаваемый два раза
въ мѣсяць, съ разрѣшенія Генераль-Инспектора Каза-
ларки, при офицерской Кавалерійской школѣ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ
— ИЗДАНІЯ. —

Рекомендованъ для войсковыхъ библиотекъ Комитетомъ по образованію войскъ.
(Циркул. Гл. Шт. 1906 г. №№ 199 и 467 и 1908 г. № 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи:
С.-Петербургъ, Чесменская ул., д. № 2 (по Шпалева.), отъ 12—5 час. ежедневно.

№ 16.

Понедѣльникъ, 30-го Августа.

1910 г.

Къ портрету подполк. ген. штаба Сергѣя Ивано- вича Оданцова.

С. И. Оданцовъ родился 2-го іюля 1874 г., получилъ образованіе въ Алек-
сандровскомъ кадетскомъ корпусѣ, Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. 12-го
августа 1895 г. произведенъ въ кор-
неты въ 12-й гусарскій Ахтырскій Ея
Имп. Высоч. Вел. Кн. Ольги Алекса-
ндровны полкъ. Окончилъ Николаевскую
академію генер. штаба по I разр. въ
1902 г., прошелъ годичный курсъ Офи-
церской кав. школы въ 1903 г., ко-
мандовалъ эскадрономъ въ своемъ полку
до 21-го февраля 1904 г., послѣ чего
участвовалъ въ кампаніи 1904—1905 г.,
имѣеть всѣ ордена за боевыя отличія
до св. Владиміра 4 ст. съ меч. и бант.
и золотое оружіе.

Этотъ выдающійся штабъ-офицеръ
ген. штаба занимаетъ въ настоящее время
должность помощника дѣлопроизводителя
главнаго управленія генеральнаго штаба.
Онъ одинъ изъ энергичнѣйшихъ пионеровъ
нашего молодого воздушнаго флота,
съ широкимъ размахомъ мысли о значеніи
воздушнаго флота въ будущихъ вой-
нахъ.

чить трудъ руководителей и сократить срокъ ихъ подготовки. На должности завѣдывающаго новобранцами останется лишь отшлифовать познанія, приобретенныя ими еще дома, и, разумѣется, всецѣло строевая подготовка. Почему бы, напримѣръ, не включить въ программу сельскихъ и народныхъ школъ хотя бы два или три урока въ недѣлю «ознакомленія съ военной службой», отчего бы учителямъ и учительницамъ не почитать въ свободное время проектируемыхъ мною брошюръ, почему бы не ознакомить дѣтвора со славными эпизодами нашей военной исторіи, съ героями Полтавы, Бородина, Плевны и т. д. Дѣти увлекутся, воображеніе ихъ будетъ поражено, а впечатлѣнія дѣтства, какъ извѣстно, сохраняются на всю жизнь, — примѣровъ тому масса. Придя въ часть, новобранецъ, ознакомленный уже до извѣстной степени со службой, на фабрику, не будетъ стоять бараномъ на урокахъ словесности, ибо фундаментъ уже заложенъ. Лишь отъ труда и терпѣнія руководителей всецѣло будетъ зависѣть построить на этомъ фундаментѣ крѣпкое, красивое и величавое зданіе.

Ясно, что составленіе упомянутыхъ выше брошюръ должно поручить человѣку, хорошо знающему бытъ нашего простолюдина и дѣтскую душу¹⁾. Единственно отъ его таланта и желанія принести своей родинѣ пользу будетъ зависѣть и успѣхъ.

Какъ ни хороша идея потѣшныхъ полковъ, но, къ сожалѣнію, для крестьянъ среди ея недостатковъ рѣзко выдѣляются: 1) отнятіе отъ каждой крестьянской семьи пары, хотя и дѣтскихъ, но все же рабочихъ рукъ. (Отцы, безусловно, будутъ недовольны, что ихъ дѣти, вмѣсто работы, забавляются, «играютъ въ солдатки», постепенно отчуждаясь отъ крестьянскаго труда). 2) Научить новобранца маршировать легко и поэтому съ крестьянскими дѣтьми въ дѣтствѣ заниматься этимъ, пожалуй, преждевременно, — другое дѣло дѣти города и фабричныхъ раіоновъ — у нихъ свободное время!..

Солдату прежде всего нуженъ «духъ», пониманіе воинской доблести и чести. Только тогда онъ будетъ одерживать побѣды, а родина имъ гордиться. Времена шагистики, вахтъ-парадовъ и собраннаго прыжкомъ коня миновали. Условія войны измѣнились, а параллельно съ ними измѣнились и требованія, предъявляемыя къ солдату.

Остается лишь пожелать, чтобы замѣтка моя не пропала даромъ, чтобы въ нее вдумались серьезно и поняли всю важность развитія воинскаго духа въ молодомъ поколѣніи, что не замедлятъ принести хорошія плоды славы русскаго оружія. — «Что посеешь — то и пожнешь».

Юрій Гитиуевъ.

¹⁾ Въ концѣ года, если будетъ оказано къ тому содѣяніе, предполагается издавать журналъ для «Русскихъ юнаковъ» или «Потѣшныхъ», въ которомъ своимъ просвѣщеннымъ вліяніемъ приметъ участіе и М. О. Меньшиковъ.

Въ гостяхъ у казаковъ въ средне-азиатской окраинѣ.

Въ 19.. году судьба меня забросила въ далекій Н. Послѣ такого шумнаго города, какъ В., Н. мнѣ съ перваго взгляда показался тихой захолустной деревушкой нашихъ южныхъ окраинъ. Тишина. Безлюдье. Но зато здѣсь уже была весна въ полномъ разгарѣ, зеленѣли деревья, шумно рокотали безчисленные арыки, давали концерты знаменитыя туркестанскія лягушки и нѣжно переливались горлянки. Въ номерахъ военнаго собранія мѣсть, по обыкновенію, не оказалось, почему я и отправился въ лучшую гостиницу города «Европу». Не буду перечислять всѣхъ прелестей моего временнаго жилища, упомяну лишь о томъ, что и здѣсь, къ великому моему огорченію и ужасу, обитало несмѣтное количество насекомыхъ. Успуть удалось лишь подъ утро, но и во снѣ меня тревожили чудовищныя сновидѣнія, гдѣ дѣйствующими лицами являлись фаланги, скорпионы, тарантулы и другіе обитатели туркестанскихъ оазисовъ.

Наступившій день вознаграждалъ меня за всѣ ночныя лишенія: воздухъ былъ такъ чистъ, свѣжъ и приятенъ, что грудь невольно старалась схватить его какъ можно больше; холодная вода въ купальнѣ разогнала усталость и подкрѣпила нервы. Къ самовару я подсѣлъ уже совершенно обновленнымъ и даже восторженнымъ. Далека я не отпустилъ, а, какъ Чичиковъ, началъ небрежно выискивать у него городскія новости. Черезъ полчаса я уже зналъ, что въ 6 час. вечера иттенгенція выходитъ показать себя и подышать свѣжимъ воздухомъ въ Абрамовскій паркъ; что въ Гарнизонномъ военномъ собраніи въ субботу будетъ танцевальный вечеръ, что Иванъ Петровичъ — завсегдатай гражданскаго клуба, гдѣ онъ, умиваясь мѣстными винами, часто засыпаетъ въ саду, что Петръ Ивановичъ вчера обыгралъ Семена Ивановича на биллиардѣ и что Семенъ Ивановичъ сегодня дастъ Петру Ивановичу генеральное сраженіе. Словоохотливый лакей сыпалъ бисеромъ изъ устъ въ уста ходившія сплетни до тѣхъ поръ, пока я не попросилъ его найти извозчика. Мнѣ предстояло явиться въ комендантское управленіе и я уже собрался было выходить изъ номера, какъ открылась дверь и въ комнату вошелъ средняго роста, изящно одѣтый, молодой человѣкъ.

— Pardon, — проговорилъ онъ: — простите, что я вриваюсь незнакомымъ! Я узналъ, что вы пріѣхали изъ Россіи изъ В... Я — уроженецъ В., и тамъ живутъ мои родные, которыхъ вы, по всей вѣроятности, знаете. Да и ваша фамилія мнѣ знакома? Вы Н...скаго корнуса?

— Да! — отвѣтилъ я, немного удивленный появленіемъ незнакомаго господина.

— Вы — Зій...овъ?

— Да! Да!..

— Кадетскимъ языкомъ выражаюсь, попросту «Суикъ», — улыбнулся незнакомецъ!

— Совершенно вѣрно, — отозвался я, и удивленіе мое возрасло до послѣдней степени.

— Я — П...ій, — громко разсмѣялся господинъ. — Не узнаешь?

И онъ схватилъ меня въ свои жаркія (туркестанскія) объятія.

— Сережка? П...ий, Сережка?—засмѣялся и я въ свою очередь.—Ты здѣсь! Какими судьбами? Въ штатскомъ? Подожди! Подожди! Садись и рассказывай,—говорилъ я, усаживая своего бывшего одноклассника и близкаго друга.

— Да намѣнялся же ты, Суикъ! Ничего отъ стараго не осталось! Галифе! Эспаньолка! Ордена! Лихой усъ! Перемѣнился! Перемѣнился! Ей-ей, я тебя и не узналъ вчера на вокзалѣ! Да, положимъ, и время уходитъ—уже 10 лѣтъ прошло, помнишь Бранта!.. Недавно въ Т. я Корнилова встрѣтилъ,—говорилъ П...ий, оглядывая меня.

Слово за словомъ и мы надолго углубились въ пережитые дни, давно забытые, но вслывшіе сейчасъ наружу во всей своей яркой красотѣ и прелести. Дурное все было забыто, вставали въ памяти лишь любимыя лица, лучшіе дни и прошлое—кадетская жизнь, но въ вліяніемъ этого казалась теперь радостнымъ сномъ, полнымъ прелестныхъ сновидѣній.

Какъ хочется снова бы такъ пожить—безпечно, весело, не думая о завтрашнемъ днѣ, вздохнулъ грустно Сергѣй, и мы глубоко замолчали, погрузившись каждый въ свои мысли.

— Какимъ же образомъ ты сюда попалъ?—спросилъ я П...го.

— Какимъ образомъ,—какъ будто хотѣлъ отвѣтить онъ:—тѣмъ же, какъ и всѣ. Я предполагалъ и надѣялся, что съ уходомъ изъ корпуса «на сторону» изъ меня выйдетъ незаурядная личность; что, окончивъ университетъ, я этимъ открою себѣ всѣ пути и дороги, а на дѣлѣ вышло не такъ.

Онъ говорилъ быстро, глотая слова, торопясь, и изъ его рассказовъ я узналъ, что, въ концѣ концовъ, послѣ многихъ дней бѣдствій, онъ попалъ въ N., гдѣ состоитъ «чѣмъ-то» при «комъ-то»...

— Ну, однако, тебѣ нужно идти къ коменданту! Уже двѣнадцать, не забудь представиться и начальнику гарнизона, здѣсь такъ принято, а вечеромъ погуляемъ въ паркѣ, потомъ ко мнѣ прощу; у меня каждый день засѣдаетъ компанія—хорошіе ребята, будетъ нѣсколько человѣкъ нашего корпуса... Все казаки... Помнишь, одно время, я собирался въ кавалерію, такъ эта жмлка осталась и до сихъ поръ. Люблю слушать разговоры о лошадахъ, о конномъ строе. Слушаешь и душа разгорается, хочется и самому промчаться, чтобы въ ухахъ зазвенѣло. Ну! иди! иди!..

Въ 6 час. мы съ П...имъ пошли въ паркъ. Тамъ уже гуляла разношерстная публика—сливки, если можно выразиться, N...скаго общества. Мы сѣли; скоро къ намъ присоединились нѣсколько казачьихъ офицеровъ, среди которыхъ я увидѣлъ лица бывшихъ одноклассниковъ! Завязался оживленный разговоръ, который сдѣлался скоро общимъ. Съ корпуса мысли перебросились на училище, потомъ на первые дни офицерской жизни и, наконецъ, на настоящіе событія.

Ты слышалъ, Ленъка,—спросилъ высокій, худой сотникъ своего сосѣда:—вчера К. опять прислалъ донесеніе о поимкѣ разбойниковъ.

— Какихъ разбойниковъ?—удивленно переспросилъ я.

— Да у насъ, батенька, здѣсь кругомъ разбой! Особенно въ N.! Тамъ гнѣздо какое-то! Казакамъ нашимъ достается! Вѣднани.

— Мишель!—вдругъ прервалъ онъ свою рѣчь, обернувшись къ полному въ пенснѣ хорунжему.—Лидочка!

Мишель прищурился и, увидя подходящую барышню, крикнулъ:

— Здравствуйте, Лидочка!—крикнулъ онъ такъ громко, что я даже взглянулъ на окна противоположнаго дома съ тревогой, не вывалились ли тамъ изъ рамъ стекла.

— Здравствуйте,—зазвенѣлъ въ отвѣтъ лидочкинъ голосокъ.

— Кто это?—спросилъ я П...каго.

— Гимназистка.

— Но, позволь, какая же она Лидочка? Вѣдь ей уже 19—20 лѣтъ.

— Совершенно вѣрно, она кончаетъ гимназію, но, по-простотѣ провинціальной, здѣсь всѣ гимназистки, будь ей 40 лѣтъ или 10,—Лидочки, Шурочки, Леночки, Валочки!

— Когда же онѣ отчество принимаютъ?—улыбнулся я.

— Когда замужъ выходятъ,—разсмѣялся одинъ изъ офицеровъ.

— Простите, господа! Я на минуточку,—извинился Мишель и подошелъ къ Лидочкѣ.

— А вотъ и Маруся съ Шурочкой!—небрежно вронила высокій сотникъ:—До свиданья, господа.

Проскакали крупнымъ галопомъ два офицера, за ними, пригнувшись, летѣлъ стрѣлой вѣстовой казакъ на маленькомъ киргизѣ. Скакуны подняли пыль.

— Впереди—это Я. на своемъ «Васькѣ», онъ въ прошлыя скачки взялъ, кажется, третій призъ; теперь собирается захватить первый,—замѣтилъ П...кій.

— Онъ и въ прошломъ году взялъ бы первый, такъ какъ Ж. далеко отсталъ, да на послѣднемъ препятствіи не выдержалъ. Ужасно было жаль,—проговорилъ бѣлобрысый хорунжій:—я какъ разъ стоялъ на этомъ препятствіи, вижу: «Васька» рѣзко идетъ, до столба, ну, сажень 100 примѣрно, осталось, легко взялъ канаву; на моемъ препятствіи (хвостяная стѣнка) «Васька» поднялся, взялъ, но Я. распустилъ поводья, не поддержалъ во время коня и вмѣстѣ съ нимъ рухнулъ на землю. Надъ моимъ ухомъ раздался громкій крикъ Ж. «Алло», мелькнули его малиновые лампасы, и онъ мгновенно далеко вынесся впередъ и пришелъ первымъ. «Васька» у него молодчина! Никакъ не ожидалъ, чтобы улучшенный киргизъ могъ спорить въ скорости съ англичаниномъ на такую, сравнительно, малую дистанцію! Въ нынѣшнемъ году съ бригады многіе собираются ѣхать въ NN.—Я., Д., К., К., Ч... У артиллеристовъ, кажется, соперниковъ не предвидится, развѣ Ш. только!.. Да, говорятъ, онъ самъ не внушаетъ большихъ опасеній! У уральцевъ выступаетъ опять Ж. У N...—Оренбурцевъ? Тамъ солидные конкуренты—З-ая «Голубка», К...ничъ на кровной кобылѣ, Ч...

Тутъ же по главной улицѣ (Абрамовскій проспектъ) двигались скрипучіе арбы, визжа огромными колесами; сарты-возницы испускали дикіе гортанные звуки, окрикая лошадей; нѣкоторые во все горло пѣли пѣсни. Голый туземецъ черпалъ ведромъ изъ арька воду и поливалъ улицу; онъ не обращалъ никакого вниманія на проезжающихъ и часто обдавалъ ихъ грязными брызгами... Городеъ затвхалъ... Публика схлмынула. Прекратился шумъ. Изрѣдка конный казакъ громкимъ топотомъ нарушалъ безмолвную тишину. Въ душу подкрадывалась какая-то неясная щемящая тоска. Чѣмъ она была навѣяна? Царящей ли тишиной, наполненной лишь разноголосимъ переливаніемъ выползшихъ лягушекъ, да изрѣдка прерываемой пересвистами городовыхъ и ночныхъ сторожей, или этой странной простотой, которая рѣзала глаза, или просто новыми впечатлѣніями, но она давила сердце.

Тамъ, въ Россіи, только еще начиналась вечерняя жизнь, здѣсь царило мертвое безлюдье. Въ номерѣ было еще тоскливѣе: уныло стрекотала сверчокъ, тускло мягала свѣча. Я растворилъ окно. Высокіе тополя тихо шелестѣли узкими вѣтками; необхватные карагачи бросали широкую тѣнь на землю. Издали доносились ржаніе коней.

Утромъ меня разбудилъ П...й.

— Не забудь, что сегодня къ оренбуржцамъ идти,—привѣтствовалъ онъ.—Ты джигитовку-то видѣлъ когда-нибудь.

— Видѣлъ, конечно,—возразилъ я:—въ Михайловскомъ манежѣ...

— Та! Та!—перебилъ меня П...скій:—здѣсь другое. Тамъ по программѣ, подъ суфлера, подъ режиссера, а здѣсь, какъ Господь Богъ на душу положить... Идемъ обязательно!.. Послѣ всѣхъ увеселеній казаки, по всей вѣроятности, затащутъ къ себѣ—хорошій они народъ, а гостеприимства хоть отбавляй,—продолжалъ Сергій.

Я согласился. Въ это время занавѣска въ окнѣ кѣмъ-то съ улицы была отдернута, въ окнѣ показалась включенная физиономія туземца. Физиономія осклабилась и дикимъ голосомъ крикнула:

— Кля...ю...биникъ, хорошій кля...ю...биникъ.

— Надѣюсь, этой прелести ты съ прошлаго года не видѣлъ,—спросилъ П...й.

Я отвѣтилъ отрицательно. Черезъ минуту на столѣ уже стояла полная тарелка парниковой клубники.

Къ казачьимъ казармамъ съ ранняго утра потянулись арбы съ сартами, верховые всадники и отдѣльные люди.

23-го апрѣля, праздникъ стоящей въ Н. казачьей бригады, праздникъ и для всегда праздныхъ туземцевъ. Къ этому дню стекалось въ Н. почти все население туземнаго города; даже прїѣзжали изъ отдаленныхъ городовъ, какъ О., П., не говоря уже объ окрестностяхъ Н. Площадь для джигитовки на далекое пространство была окружена толпой жадныхъ до всякихъ зрѣлищъ туземцевъ. Для гостей была поставлена бухарская палатка, гдѣ видѣлся столъ съ яствами,—туда мы и направились... Приглашенныхъ было много; все тѣ же лица, которыя я видѣлъ вчера въ паркѣ.

Оркестръ заигралъ маршъ: прибылъ начальникъ гарнизона. Празднество началось скачкой нижнихъ чиновъ. Скакуновъ насчитывалось человекъ 25. Лошади рвались, и стоило многихъ усилій распорядителю выравнивать шеренгу. Взоры всѣхъ напряжены. Наконецъ-то, давно жданное «пошелъ!». И кони взвились. Обильно полнѣйшій плацъ давалъ возможность наблюдать за ходомъ скакуновъ. Сначала они держались кучей, но уже послѣ перваго препятствія началась обозначаться ихъ длинная лента. Впередъ выдвинулся высокій, поджарый гнѣдой конь. Всадникъ низко пригнулся къ передней лугѣ и, казалось, приросъ къ сѣдлу. Ближе! Ближе! Какъ птицы мелькаютъ надъ препятствіями. Вотъ, возлѣ мертваго барьера замѣшательство. Туда побѣжали. Упалъ кто-то; освобожденный отъ сѣдла конь бросился къ полю, но скоро былъ пойманъ.

— Фроловъ впередъ! Фроловъ! Смотри, такъ и жметъ первымъ, слышится за мной шепотъ.

Лица взволнованы. Какъ вихрь проносятся мимо столба; пошли второй и послѣдній кругъ... На канавѣ упало сразу четверо! А Фроловъ все сильнѣе и сильнѣе подается впередъ, еще ниже наклонился къ шеѣ... Послѣднія 50—60 ша-

говъ... «Гн!» пронзительно взвизгиваетъ Фроловъ, и конь, чувствуя, что требуютъ послѣднихъ усилій, вытягивается и, кажется, что онъ уже не касается копытами земли и плыветъ по воздуху...

«Разъ!»—ударяетъ колоколь...

— Фроловъ!—доносится громкій голосъ распорядителя...

«Разъ! Два!»—Степановъ!..

— Разъ! Два! Три!—Ваенльевъ!

Вдохъ облегченія срывается въ толпѣ и мгновенно всѣ громко заговорили, бросились въ кругъ... Вдали водили испившихся скакуновъ.

— У Фролова конь изъ войсковыхъ плодовыхъ табуновъ. Все же сказывается порода! И въ прошломъ году первымъ пришелъ плодовикъ,—замѣтилъ сзади стоящій офицеръ.

Заиграли тупы... Начали раздавать призы. Вдругъ толпа отхлынула носгѣбно назадъ... Командиръ полка, молодой полковникъ съ золотымъ оружіемъ и боевымъ Владиміромъ на шеѣ, махнулъ рукой и за перелѣскомъ, отстоящимъ отъ палатки саженъ на 100, раздались рѣзкій звукъ трубы «Скачки, лети стрѣлой»... Секунда томительнаго ожиданія и... изъ-за лѣска карьеромъ вынеслась длинная шеренга джигитовъ и стоя проскакала мимо изумленной публики.

— Стой! Равняйся! Стой,—послышалось уже гдѣ-то въ пыли.

Эффектъ былъ полный!..

Снова давъ знакъ полковникъ и навстрѣчу другъ другу понеслись въ желѣзныхъ маскахъ и нагрудникахъ съ учебными фехтовальными эспадронами и пиками всадники... Сшиблись... Не отпарировалъ одинъ мѣткого удара и вылетѣлъ изъ сѣдла. Кинулся другой ему на помощь, ноложилъ коня, звалили раненаго товарища въ сѣдло и умчался при громкихъ аплодисментахъ.

Безмолвно ѣдетъ казакъ, распустивъ поводья, мурлыкая подъ носъ иѣсню... Щелкнулъ выстрѣлъ гдѣ-то. Запнулся казакъ въ сѣдлѣ, взмахнулъ руками и свалился на землю. Дрогнула толпа, такъ было естественно паденіе. У меня даже мелькнула мысль: «неужели ошибочно попалъ боевой патронъ?» Но это было одно мгновеніе. Не выпустилъ упавшій изъ рукъ повода; быстро вскочилъ на ноги, положилъ коня на землю, снялъ изъ-за плечъ винтовку и залегъ за конемъ. А къ нему уже подбѣжалъ врагъ, готовясь проколотъ выкой. Чу! другой выстрѣлъ. Выметнулся лежащій конь, но успокоился, оглаженный. Повернулся нашедшій назадъ; склонился головой на шею лошади, выренилъ изъ рукъ пика. А къ раненому уже спѣшать на помощь. На полномъ карьерѣ положили коней еще нѣсколько товарищей и... лишь бѣловатый дымокъ выстрѣла выдавалъ ихъ присутствіе.

Потомъ начались одиночные прыжки черезъ лошадей; доставаніе съ земли предметовъ; ножницы; проскачки лицомъ назадъ, стоя на головѣ и т. п. Потомъ брали пылающій барьеръ, прыгали черезъ столъ и т. д.

Возбудила общій смѣхъ одна фигура: на сѣдлѣ уместились другъ противъ друга четыре всадника; расгѣвуютъ иѣсни и играютъ въ карты; лошадь идетъ легкимъ галопомъ; игроки вступаютъ въ шумный споръ, который мгновенно переходитъ въ драку: летитъ одинъ, летитъ второй, падаетъ третій, увлекая за собой на землю послѣдняго. Эффектны были четверки, украшенные лентами и бубенцами. Красива была «куча мала»: на плечахъ у сидящихъ въ сѣдлѣ стоятъ казаки, опираясь на пика...

И каждый забывал что нибудь новое, неожиданное. Глаза не успевали слѣдить за безпрестанно мелькающими невзрачными лошадками... И кони понимали своих сѣдоков: они им помогали, казалось, были неразрывно съ ними связаны. Да! Здѣсь было много души, любви къ родному дѣлу, много изобрѣтательности, много смѣлости и лихости!

Къ вечеру мы были приглашены въ собраніе Оренбургскаго полка, такъ отрекомендовалъ намъ большую грязную, неудобную комнату нашъ спутникъ хорунжій П...ій.

— Вы не осудите, что собраніе неэффектно выглядит—одна комната, голыя стѣны, асфальтовый полъ. Это собственно говоря, даже не собраніе, а столовая для нижнихъ чиновъ, только въ дни особенныхъ праздниковъ тутъ немного подкрашивается флагами, картинками, цвѣтами. На все у насъ деньги находятся—и кипятивнички какіе-то особенные заводимъ, и тѣстомѣсимки, и форсунки, которыя черезъ непродолжительное время приходятъ въ негодность, а объ офицерскомъ собраніи ни слова. Возьмите любой кавалерійскій полкъ, да! что, нашъ казачій въ Россіи—ведѣ есть родное пристанище для офицеровъ, гдѣ офицеръ въ короткій перерывъ между занятіями и отдохнуть можетъ, и закусить, и перекинуться нѣсколькими словами съ товарищами. Библиотека тутъ-же!.. А у насъ какъ будто считаютъ лишнимъ даже говорить объ этомъ. Каждый забрался въ свою берлогу и живетъ... Повѣрите, мы даже своихъ полковыхъ дамъ многихъ не знаемъ, потому что не видимъ. Въ гарнизонномъ собраніи страшная натаянность, начальство тамъ остается начальствомъ, зорко наблюдающимъ за своими подчиненными, да и дорого все... Гдѣ-же намъ дѣлится своими впечатлѣніями, близко сходитья со своими товарищами? А вѣдь наша казачья семья—свой уголокъ, особенный уголокъ; сотни вѣковъ укрѣплялись наши традиціи; чужому, не казаку, насъ и понять тяжело и трудно сойтись съ нами... Вотъ и собраніе! Пожалуйте!—пригласивъ хорунжій, растворяя дверь.

За длиннымъ столомъ сидѣли два есаула и нѣсколько молодыхъ офицеровъ, шумно разговаривая.

— Садитесь, гостями будете! Вотъ сюда,—увидя насъ, громко проговорилъ одинъ изъ есауловъ...

— И замѣнили неизвѣстно почему,—продолжая, видимо, прерванный нашимъ приходомъ разговоръ, говорилъ черный, какъ смоль, молодой подъесаулъ.

— Почему, да потому, что изъ насъ хотять сдѣлать регулярныхъ казаковъ,—горячо подхватилъ безусый хорунжій, вскакивая съ мѣста...

— А въ этомъ мы сами виноваты, потому что за кавалеріей тянемся; и это обезьянчанье скверно у насъ выходитъ—натянузя галифе на себя, сапоги бутылками, кителекъ коротенькій...

— Не въ одеждѣ, малецъ, дѣло,—перебилъ его рыжій есаулъ.

— Объ одеждѣ я между прочимъ замѣтилъ,—вставилъ хорунжій.

— Насчетъ одѣяніи-то ты правду сказалъ, М. Н., набираемся мы, милый, фанаберіи и некетати она. Ну, да Богъ бы съ ней, нѣтъ грѣха въ томъ, что молодежь краснѣе наряжаться хотеть... Лишь то скверно, что обезьянчанье наше, какъ выразился ты, ограничивается только одеждой, а въ остальномъ кавалерія далеко опередила насъ. Да настолько далеко, что и не догнать, пожалуй... Развѣ мы интересуемся дѣломъ? Развѣ мы стремимся ввести что нибудь новое, полезное?

Развѣ ты знаешь казака? Любишь лошадей? Приходится сознаться, что нѣтъ... Мы крѣпко вѣрнемъ въ силу казачью, въ казачью смѣтку, лихость, любовь къ коню и оружію, и пока онъ еще не выдастъ насъ. А придетъ время, когда мы очутимся лицомъ къ лицу съ обыкновеннымъ крестьянникомъ, потому что казака подтачиваютъ, разрушаютъ его силу...—и послѣ словъ есаула притихли всѣ...

— Зачѣмъ же такія страсти, И. П.,—раздался въ тишинѣ голосъ подъесаула.

— Нѣтъ, не страсти,—возвысилъ голосъ есаулъ:—не страсти, а правда!.. Мы остановились на одномъ мѣстѣ и дальше не хотимъ идти, потому что насъ страшитъ новизна, громадный трудъ, который заставитъ забыть насъ о спокойномъ снѣ, объ удобствахъ теперешней жизни. Какъ мы смотримъ на человѣка, который только изъ за одной любви къ дѣлу немного выдѣлится среди насъ?.. Непріязненно... Возьмите!.. Подождите!.. Подождите!.. Возьмите того же Я. Человѣкъ трясется надъ копыткой, чтобы пріобрѣсти хорошаго коня. Покупаетъ... Самъ выѣзжаетъ его... Все время въ колѣ—минуты не посидитъ въ покоѣ. И смотрите, какъ у него учебная команда несетъ развѣдывательную службу, какъ джигитуетъ, какъ ѣздитъ... Готовится къ скачкѣ. Беретъ призъ. Покупаетъ вторую лошадь. Онъ рѣзко замѣтенъ. И мы любимъ его, поощряемъ?.. Нѣтъ... Кромѣ недоговоренныхъ словъ, туманныхъ улыбокъ, подчасъ даже насмѣшекъ, отъ насъ онъ ничего не получаетъ... Возьмите К., Ч., К...—мы надъ ними зло смѣемся. А если бы всѣ такіе были.

Въ это время въ комнату вошли пѣсенники. Компания сразу оживилась...

— Ну-ка, ребяташки, успокойте старое сердце!—крикнулъ рыжій есаулъ. Пѣсенники встали въ кругъ, выцѣль впередъ запывало и тихо, тихо начали.

— Какъ подъ вѣлью, подъ ветливной одна хижина стоитъ...—и понеслась пѣсня про родимый Уралъ, про широкое раздолье своихъ степей.

Грустно звучатъ казачьи напѣвы, простыя, безыскусственные; въ душу, въ сердце каждаго они просятся. То громкіе они, лихіе, полные славы боевой, какъ времена бывшія, то широкіе, однообразные, какъ степи родныхъ полей, то величественные бурные, какъ родимый Уралъ весенней порей. Вспомнили станичники широкое приволье стеной своихъ, вспомнили оставленныхъ женъ, матерей, дѣтей, забыли объ насъ. Чувствовалъ я, что не для нашего удовольствія поютъ они, а выливаютъ въ пѣснѣ накопившееся горе: воплемъ надрыгается подголосокъ, кверху поднялся, паритъ, да нѣтъ силы и воли пробраться къ роднымъ станицамъ. Это не наша великорусская пѣсня, это исторія, сама жизнь, все...

— Любимую,—крикнулъ молодой есаулъ и приятнымъ баритономъ запѣлъ:

— Поѣхалъ далеко казакъ на чужбину на бервомъ конѣ онъ своемъ вономъ.

«Свою онъ вкраину наѣвилъ покинулъ, покинулъ отцовскій онъ домъ»,—подхватилъ хоръ...

— Ему не вернуться въ отеческій домъ,—тихо повторилъ запѣвало...

— Ему не вернуться въ отеческій домъ,—глухо зарекотали басы...

— Напрасно казачка его молодая, напрасно на сѣверъ далекой глядитъ,—дрожитъ голосъ...—Рыдаетъ казачка.. оставлены безъ кормильца дѣти... Остались безъ наставника молодые ребята? Безудержно рыдаетъ казачка.

— Все ждетъ, поджидаетъ съ полночнаго края, когда ея милый казакъ пролетитъ,—величаво вторилъ хоръ.

Предчувствуетъ сердце недоброе... Пытливо вглядывается она въ темноту ночи, чутко прислушивается, не стукнетъ ли вдалекѣ знакомымъ тономъ боевой ковы... Нѣтъ... Также безмолвна ночь. Но собираются надъ головой грозвыя тучи: сейчасъ придетъ черная вѣсть и заставитъ похолодѣть сердце.

— А тамъ, за горами, гдѣ вьются мятели, гдѣ вѣтры и бури безумно свистятъ,—едва, едва слышно произноситъ баритонъ.

Тихо, тихо подготавливаетъ убійственное извѣстіе хоръ:

— Гдѣ вѣстѣ сплелися и сосны, и ели.

И вдругъ громкимъ воплемъ вырываются басы:

— Тамъ кисти казачьи подъ снѣгомъ лежатъ.

Но... «казакъ и просилъ, и молилъ, умирая, курганчикъ насыпать ему въ головахъ—и пусть на курганѣ каминя родная цвѣтетъ и красуется въ яркыхъ цвѣтахъ».

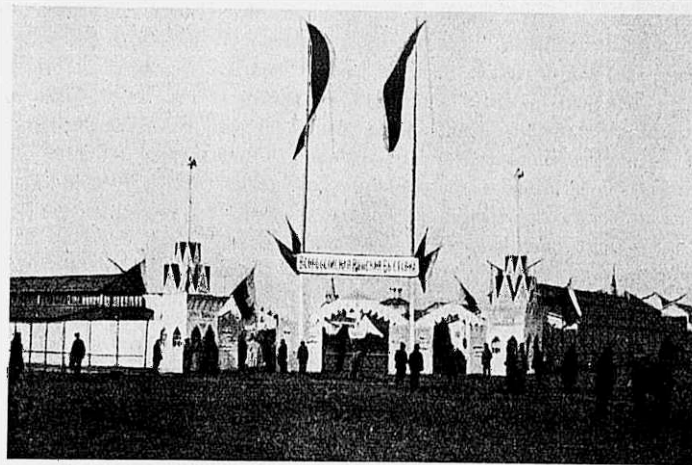
Грустна казачья пѣсня... Суровы были у всѣхъ лица, каждый думалъ свою горькую думу...

Но вдругъ затрепеталъ бунчукъ, зазвенѣлъ бубенъ, взвизгнула зурна и широкимъ размахомъ взвилась частая веселая пѣсня. Раздвинулся кругъ. Загорѣлись взоры, подбоченились; заломили шапки назадъ; приступили ногами... А звуки трепетали чаще и чаще. Не выдержалъ урядникъ, хлопнулъ о землю шапку и выскочилъ въ середину, вызывая товарища; приподнялся на носкахъ приказный, повернулся на мѣстѣ и помчался къ казачкѣ; потомъ медленно, крадучись, поплылъ къ уряднику, какъ бы готовясь нанести ему ударъ; замѣтилъ тотъ, бросился въ сторону. Гнѣвно, быстро, почти неувидимо для глаза, затопалъ каблукми приказный. Потомъ вѣстѣ пошли, вызываяще оглядываясь по сторонамъ. Не поправились ихъ взгляды двумъ казакамъ,—выскочили въ кругъ и сами помчались, а звуки все чаще и чаще трепетали... Быстрѣ разгорались взоры... Шире раздвигался кругъ.

Н. Бортыкій.

На охотѣ.

Въездъ на Всероссийскую конскую выставку въ Москвѣ. 1910 г.

На конской выставкѣ въ Москвѣ съ 20-го по 26-е августа.

Впечатлѣніе отъ Всероссийской конской выставки въ Москвѣ настолько сильное по богатству лошадей, что выразить его въ печати съ тѣмъ, чтобы представить полную ея картину, намъ не подъ силу.

900 лошадей, собранныхъ со всѣхъ концовъ Россіи, хотя и были распределены на три группы: верховыя, рысистыя и рабочія, но уже послѣ первой выкладки фокусъ вниманія посѣтителей сосредоточился на превосходной группѣ донскихъ лошадей.

Верховой отдѣлъ.

1) *Донскія лошади.* Частные коннозаводчики войска Донскаго привезли изъ Задонскихъ степей 25 вагоновъ жеребцовъ, кобылъ, мериновъ и укрюченныхъ, всего 150 прекрасныхъ лошадей, и 9 лошадей, не уступающихъ имъ, выставилъ Провальскій войсковой заводъ.

Нужно быть очень вѣрующимъ въ свое твореніе, чтобы изъ дикаго степного приволья, за двѣ сляшкѣмъ тысячи верстъ, вести въ «Первопрестольную» такую массу «дончаковъ» на судъ знатоковъ и на конкуренцію съ многотысячными экземплярами прославленныхъ побѣдами чистокровныхъ скакуновъ, полукровокъ, красавцевъ росточинскихъ, орловскихъ и полуамериканцевъ, и крупныхъ въ 44 пуда вѣсомъ клейдсдалей.

Донскіе кони постояли за себя съ честью, приковавъ на выставкѣ всеобщее вниманіе не только русскихъ коннозаводчиковъ, но привели въ восторгъ даже такого строгаго критика-эксперта, какъ фонъ-Эттингена (управл. Германскимъ